

2) БРЕСТЬ-ЛИТОВСКІЙ.

Брестъ-Литовскій (Берестѣе, Brescia, Brzest, Brzesć), въ древности Брестѣе русское — *Brzescia Ruthenicale*. На правомъ берегу западнаго Буга, при слияніи съ нимъ р. Шлеерки и р. Мухавца, соединяющаго посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго канала (Королевскаго) рѣку Припять съ р. Бугомъ—Черное море съ Балтійскимъ, расположена первоклассная крѣпость, воздвигнутая на мѣстѣ древняго города, который перенесенъ на двѣ съ половиною версты на сѣверо-востокъ, образуя Кобринскій форштадтъ; на противуположной сторонѣ Мухавца, въ такомъ же почти разстояніи отъ крѣпости, находится форштадтъ Волын-

скій, и на лѣвой сторонѣ Буга, верстахъ въ 4-хъ, виднѣется мѣстечко Тересполь.

Пространныя полосы болотъ, образуемыхъ при сліяніи р.р. Буга и Шлеерки, недоступныхъ къ жительству и весною заливаемыхъ водою, раздѣляли старый Брестъ на пять частей. Главная часть города съ находящимися въ ней присутственными мѣстами, гостиннымъ дворомъ, остатками каменного города и лучшими городскими зданіями лежала на правомъ берегу Буга. Противъ нея на югъ, при сліяніи Буга и Мухавца, на высотѣ, возвышающейся надъ городомъ, стоялъ древній замокъ. Судоходная рѣка, обширныя болота, простирающіяся далеко на востокъ, и лѣса на сѣверъ и югъ отъ г. Бреста, съ давнихъ временъ придавали этому пункту весьма важное военное значеніе.

Отъ Дуричей, верстахъ въ 30 отъ Бреста, и отъ Ковеля, въ Волынской губерніи, по обѣимъ берегамъ р. Припети, расширяясь все болѣе и болѣе на востокъ, тянется обширная полоса лѣсовъ и мшистыхъ болотъ, почти неприступныхъ, съ безчисленнымъ множествомъ озеръ, рѣочекъ и ручьевъ. Границы *Полѣсья*¹⁾ трудно опредѣлить съ точностью; сѣверная его окраина (*Tractus Polesiensis*), начинаясь у Бреста, простирается до верховьевъ Березины и Друца, мимо Кобриня, Слонима и Слуцка; южная мимо Влодавы, Ковеля, Клевани идетъ до Радомысла и далѣе по Днѣпру до впаденія въ него Тетерева; въ центрѣ этого низменнаго, лѣсисто-болотистаго пространства расположенъ Пинскъ. На этихъ рѣбахъ, лѣса и болота не прекращаются; напротивъ они въ разныхъ мѣстахъ соединяются съ болотистыми и лѣсистыми полосами западнаго пограничнаго пространства Россіи.

Извѣстія о Полѣсьи достигаютъ временъ древнѣйшихъ. Еще при Геродотѣ бассейнъ верхней Припети былъ залитъ водою; тутъ было обширное озеро, принимавшее рѣки *Оарз*, *Сіурисъ*, *Ликъ* и *Танаисъ* (Горынь), *Стырь*, *Струменъ*, *Случь* (Балинскій). До сихъ поръ преданіе сохраняетъ смутные толки о какомъ-то невѣдомомъ морѣ; *Гричинское* болото (10 верстъ на югъ отъ Слуцка) въ устахъ туземцевъ считается высохшимъ заливомъ²⁾, того же невѣдомаго, скажемъ — Пинского, моря. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь, въ этихъ болотахъ, открывали нерѣдко обломки корабельныхъ снастей, якори, янтарь и кости морскихъ животныхъ; самое свойство почвы и необыкновенная впадина относительно уровня

¹⁾ Польские писатели названіе Подлясье производить отъ слова подъ лѣсомъ (*pod lasem*), хотя въ этой странѣ лѣса были въ изобилії. У русскихъ лѣтоисцевъ страна по правую сторону р. Буга называется *Подляхіей*, отъ слова подъ *Ляхами*; также точно ее называютъ жители Пружанскаго и Волковискаго уѣздовъ; у нихъ *Подляшукъ*, означаетъ жителя бывшей Бѣлостокской области, а *Полѣшукъ*, а чаще *Пинчукъ*, жителя Полѣсья.

²⁾ Podrѣk Kontrymu po Polesiu, Raczyńskiego. Rozpraw 1839. Starożytna Polska III, 835.

моря заставляютъ естествоиспытателей и геологовъ вѣровать въ геродотово море; нѣкоторые даже утверждаютъ, что оно имѣло подземное сообщеніе съ Чернымъ моремъ¹⁾). Разной величины острова, разсѣянные по болотистому Полѣсью, представляютъ какъ бы оазисы, на которыхъ растетъ густая и высокая трава, родится разнаго рода хлѣбъ и растутъ деревья; эти плодородные оазисы даже въ самое сухое лѣто доступны не иначе, какъ при помощи туземныхъ воловъ, какъ въ степяхъ Аравіи при помощи верблюдовъ. Здѣсь-то живутъ почти въ первобытномъ состояніи *Польсяне*, вѣрнѣе *Польшуки* и даже *Пинчуки*, занимающіеся хлѣбопашествомъ и ловлею вѣюновъ (*piskorzy*), составляющіхъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ существованія неприхотливаго семейства. Съ наступленіемъ рабочаго времени, семейство Польшука покидаетъ свою хижину и со всѣмъ своимъ имуществомъ, скотомъ и домашнею утварью переселяется на островъ. Тутъ, среди роскошной травы, высоюю въ поясъ, среди разныхъ видовъ хлѣба, ржи, пшеницы, овса, дающихъ прекрасные урожаи, среди необозримыхъ и неприступныхъ болотъ, уединенно стоитъ убогая хижина, построенная изъ хвороста и листьевъ, едва охраняющая отъ непогоды. Въ этомъ, почти пожарикомъ семействѣ, хотя и озаренномъ свѣтомъ евангелія, сохраняются еще преданія языческія, обычаи первобытной старины, времена VIII и IX вѣковъ.

Природа Полѣсъя и его необозримыхъ болотъ, этой мертввой страны, въ которой рѣдко гдѣ услышишь голосъ человѣка, оживляется только несмѣтными стаями птицъ, летающихъ въ воздухѣ, наполненному зловредными испареніями. Славяне, называемые у лѣтописцевъ *Будынами*, жили съ самихъ давнихъ временъ въ Полѣсъи, чрезъ которое съ сѣвера на югъ проходили Готы, а въ VIII и IX столѣтіяхъ появились здѣсь варяго-русы, положившіе основаніе первыхъ городовъ (замковъ, укрѣпленій²⁾).

Исторію г. Бреста можно раздѣлить на четыре периода. Первый периодъ, отъ основанія Бреста до завоеванія его литовцами, обнимаетъ три или четыре столѣтія; во второмъ periodѣ разсмотримъ Брестъ подъ господствомъ Литвы т. е. до люблинскаго соединенія или лучше до брестскихъ соборовъ, давшихъ начало религіозной унії, здѣсь два столѣтія. Въ третьемъ опишемъ ходъ событий, отразившихся на Брестѣ,

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же. Въ 1650 году издана была топографическая карта *Польсяя* подъ названиемъ: *Nova et pincis primum, autore Daniele Zwickero. Med. D. и проч. MDCL.* Эта первая карта Полѣсъи приложена къ статьѣ, читанной Гашелемъ въ С.-Петербургской академіи наукъ 4 мая 1833 года. Статья Гашеля переведена на польскій языкъ подъ заглавіемъ: *Wiadomość historyczna o szegewcu agaratskim i polskim. Wilno 1837. S. B. G. (Стат. Горскаго).*

по соединеніи Литвы съ Польшею, тоже два столѣтія и потомъ, въ четвертомъ, состояніе города по возвращеніи западныхъ губерній къ Россіи,— на сколько позволяютъ собранные материалы.

а) Историческое обозрѣніе.

I.

По преданію, на берегахъ р.р. Мухавца и Буга первоначально была построена церковь какимъ-то купцомъ, завязшимъ въ болотахъ, изъ которыхъ удалось ему выбраться при помощи срубленной бересты. Около церкви вскорѣ появилось славянское поселеніе. Когда именно совершилось это событие—въ точности неизвѣстно. Балинскій полагаетъ ¹⁾, что уже въ X столѣтіи славяне имѣли здѣсь свой укрѣпленный замокъ. Ярошевичъ ясно говоритъ, что Брестъ основанъ въ 1018 году ²⁾, у Карамзина о Брестѣ въ первый разъ упоминается въ 1099 году, во время борьбы Давида Игоревича, внука Ярослава (1093—1112), съ великимъ княземъ Святополкомъ Изяславичемъ, своимъ двоюроднымъ братомъ ³⁾. Основаніе Бреста одни приписываютъ Владиміру Святому или Ярославу I, во время походовъ ихъ противъ ятвяговъ, воинственного племени, обитавшаго къ сѣверу отъ Бреста въ западной части Гродненской губерніи; польские же писатели считаютъ поляковъ основателями Бреста. Такъ или иначе возникъ городъ Брестъ, не подлежитъ однако сомнѣнію, что основаніе ему положено было славянами во времена Владимира Святаго или Ярослава I, когда въ ближайшихъ странахъ уже господствовали варяго-руссы, и что въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ Брестъ съ окрестною страною по правому берегу р. Буга находился во власти князей юго-западной Руси, потомковъ Ярослава, въ поколѣніяхъ: сперва—младшаго сына его, Игоря, получившаго по смерти Ярослава въ удѣль владимірскую область, а потомъ—въ родѣ Святослава Черниговскаго; далѣе онъ остается во власти потомковъ внука Ярославова, Ростислава, и окончательно, до завоеванія западной Руси Литвою, принадлежитъ потомкамъ Владимира Мономаха.

Во время раздоровъ русскихъ князей при в. князѣ кіевскомъ Святополкѣ (1093—1113), подъ 1099 годомъ у Нестора говорится: «Святополку обѣщавшуся прогнati Давыда поиде къ Берестью, ко ляхомъ, се

¹⁾ Балинскій III, 722.

²⁾ Obraz Litwy, Ярошевича, часть I, § 20.

³⁾ Исторія Карамзина; изд. Смирдина II, 136. Давидъ Игоревичъ долженъ былъ бороться съ великимъ княземъ, который въ 1099 году сталъ въ Брестѣ. Полн. Собр. Русск. Лѣтописей I, 114 и 117.

Слышавъ Давидъ иде въ ляхы ко Володиславу, ища помощи: ляхы же обѣщашася ему помочати и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: поиди съ нами Берестью..... и ту умиримъ тя съ Святополкомъ.» Черезъ три года русскіе князья, отнявши владимірскую область у безпокойнаго Давида Игоревича, отдали ону съ Берестемъ внуку Изяслава Ярославу Ярополковичу, князю берестейскому. Но въ 1101 г. Ярославъ былъ схваченъ въ Бересты и отведенъ въ Кіевъ «заратися Ярославъ Ярополичъ Бересты и иде на нь Святополкъ и заста и въ градѣ, и емъ и, и приведе и Кыеву». Не прошло и мѣсяца, какъ онъ вторично былъ привезенъ въ Кіевъ, будучи схваченъ на р. *Нуръ*, не далеко отъ Бреста (1102 года); «прелстивъ Ярославъ Святополчицъ Ярополича, и ять и на Нурѣ и приведе и къ отцу Святополку.» Ярославъ умеръ въ темницѣ, область его возвращена Давиду Игоревичу, и уже по смерти его въ 1112 году перешла на короткое время въ удѣль внука Изяславова, Ярослава Святополковича¹⁾, прославившагося двукратнымъ походомъ противъ ятвяговъ.

До Романа Галицкаго исторія этой страны весьма мало извѣстна. Лѣтописцы въ сказаніяхъ о междоусобіяхъ удѣльныхъ князей, часто вспоминаютъ о Бересты (Берестовѣ); но по этимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ нельзя составить систематического цѣлаго; — можно сказать только, что Берестье въ усобицахъ князей принимало весьма дѣятельное участіе.

Владиміръ Мономахъ (1113—1125 г.), отнявшій Владимірскій удѣль у Ярослава, женатаго на Предславѣ, дочери польскаго короля Болеслава Кривоустаго, отдалъ онъ сыну своему Роману, а потомъ Андрею, женатому на дочери хана Половецкаго Тугоркана. Владимиръ Мономахъ утвердилъ свое могущество на западѣ Руси, владѣль и Брестомъ²⁾, куда съзывалъ тысячикихъ Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго и Станислава Переславскаго (брацлавскаго), для совѣщанія относительно опредѣленія законовъ торговой несостоительности и лихвы (уст. Владимира Мономаха ст. 1).

Великій князь Всеволодъ Олеговичъ (1138—1146 г.), г. Брестъ и землю, къ нему принадлежавшую, отдалъ своимъ шуринамъ Святополку и Владиміру Мстиславичамъ. Но князья удѣльные, недовольные расположениемъ в. князя, по смерти Владимира Андреевича Туровскаго заключили союзъ между собою, съ намѣренiemъ овладѣть лучшими удѣ-

¹⁾ У Ярослава Святополковича были двѣ жены — первая Предслава, дочь польскаго короля Болеслава Кривоустаго, а вторая — Мстислава, внука Мономаха. Карамзинъ II, 136.

²⁾ Энциклопедиконъ Шлюара 1836 года.

лами. Подъ 1142 годомъ въ ипатіевской лѣтописи обѣ этомъ такъ говорится: «И позва Всеволодъ братю (Святослава, Владимира, Изяслава, Игоря) къ себѣ.... И ѿхъ Святославъ ко Игорови и рече: «что ти даетъ братъ старишій?» и рече Игорь: «даетъ ны по городу, *Берестій* и Дрогичинъ, Чарторыскъ и Кличъскъ, а отчинѣ своеї не даетъ Вятычъ.» Всеволодъ убѣждаетъ ихъ: «братья мои, возьмите съ любовью, что вы даю, Городечъ, Рогачевъ, *Берестій*, Дорогичинъ, Кличъскъ и болѣе не воюетесь съ Мстиславичи». Всеволодъ успѣль разстроить союзъ братьевъ «радъ быль разлученю ихъ.... да *Берестій*, Дорогичинъ и Въщижъ, Орлину (вѣроятно Владиміру или Изяславу), а братома да Игорева Городечъ, Гюргевъ, и Рогачевъ, а Святославу Кличъскъ и Черторыскъ и тако разыдошася *).» Владимірко Галицкій старался изгнать родъ Святослава изъ Владиміра; послѣдовали безпрерывныя разоренія и опустошенія Владиміра и Галицкой области. Въ борьбѣ потомковъ Ярослава, западная Русь, какъ и восточная, раздробилась на множество удѣловъ; князья въ спорахъ и несогласіяхъ опустошали земли другъ у друга, призывая иностранцевъ поляковъ и венгерцевъ;— такое положеніе дѣлъ продолжалось до половины XIII вѣка, когда на западъ Руси, подъ мощною рукою Даніила Романовича, возникла сильная и могущественная держава.

Межу тѣмъ, какъ монголы, поработившиѣ большую часть областей восточной Руси, господствовали на востокѣ, западную Русь беспокоили поляки и венгерцы, всячески домогавшиеся утвердиться въ Галичѣ и во Владимірѣ;— въ тоже время литовцы, уже сильные и страшные своими опустошительными набѣгами, стали угрожать западной Руси съ сѣвера.

Во время Андрея Боголюбскаго (1157—1159 г.), въ то время когда въ Галичѣ княжилъ Ярославъ, сынъ могущественнаго Владимірка, Владимірская (Владиміро-Волынская) область принадлежала Мстиславу и Ярославу Изяславичамъ, внукамъ старшаго Мономахова сына Мстислава. А потому, когда со смертію Владиміра Ярославовича пресекся родъ Володаря Галицкаго,— галицкіе бояре, не признавшиѣ своимъ княземъ Олега, прижитаго Владиміромъ съ Анастасіею, изгнали его и предложили престолъ Роману Мстиславичу, правнуку Мстислава старшаго, сына Мономахова. Дѣятельный Романъ не боялся ятвяговъ, отличался свирѣпымъ нравомъ, былъ любимъ въ собственномъ удѣлѣ, но нетерпимъ въ Галичѣ. Убитый въ войнѣ съ ляхами на рекѣ Вислѣ въ 1205 году, онъ оставилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей— Даніила и Василька.

*) Зубрицкій. Критическо-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси. 1845. стр. 61. О распрахѣ удѣльныхъ князей съ Всеволодомъ. См. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. II, 18 и 19.

Такимъ-то образомъ Данілъ дѣлается родоначальникомъ Галицкихъ князей, владѣвшихъ западною Русью до завоеванія литовцевъ и до окончательного утвержденія власти Гедимина и его потомковъ при помощи оружія, или еще болѣе посредствомъ родственныхъ связей съ потомками Даніила Романовича. Но сколько усилий и трудовъ надобно было перенести Романовымъ дѣтямъ, чтобы упрочить власть свою на западѣ Руси, не смотря на безотрадное, разстроенное ея положеніе, какъ вслѣдствіе угрожающихъ силь сосѣдей, такъ еще болѣе отъ внутреннихъ усобицъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по смерти Романа, Галичъ и Володимирия сперва дѣлаются предметомъ спора князей сѣверскихъ (Владимира, Святослава и Романа Игоревичей), короля венгерскаго Андрея и герцога польскаго Лешки, въ теченіе которыхъ малолѣтніе дѣти Романовы съ матерью своею вынуждены скрываться два раза на чужбинѣ; потомъ, когда Лешко въ союзѣ съ Александромъ Бельскимъ, племянникомъ Романа, овладѣлъ Владимірскою областію, Андрей, соединившись съ сѣверскимъ княземъ Романомъ, занялъ Галичъ; — тогда владѣнія Романа Мстиславича раздѣлились, причемъ Брестъ отданъ малолѣтнему Васильку. Но когда князья сѣверскіе помирились и выгнали венгерцевъ изъ Галича, раздраженный Андрей принялъ сторону несчастныхъ дѣтей Романа, явился съ юнымъ отрокомъ Даніиломъ въ Галичъ и, выгнавъ свирѣпыхъ Игоревичей, посадилъ на престолъ Галича Даніила (1211 г.). Безпорядки не прекращались: Лешко, изгнавъ Василька изъ Володимирии, вынудилъ и Даніила съ матерью бѣжать въ Венгрию. Но въ 1213 году «возвратиша домови и ѿха съ братомъ и прія Берести, и Угровескъ и Верещинъ, и Столпъе, Кошовъ и всю Украину. Лестко же великъ гнѣвъ имѣя на Даніила; веснѣ же бывши и ѿха лаховье воевать и воеваше по Бугу». Послѣ чего Лешку удалось захватить большую часть Володимирии; онъ занялъ Брестъ, съ многими другими городами по правому берегу р. Буга. Въ такихъ обстоятельствахъ, защитникомъ дѣтей Романа дѣлается могущественный Мстиславъ Новгородскій, женившій Даніила на своей дочери; онъ принудилъ Лешка уступить Владиміръ Васильку, оставилъ однако польскому королю Брестъ съ многими другими наследственными городами князей Волынскихъ, по обѣимъ сторонамъ р. Буга. Даніилъ, окрѣпшій духомъ и тѣломъ, старался выгнать лаховъ изъ своихъ владѣній. Возобновивъ союзъ съ Андреемъ, Лешко одержалъ побѣду надъ Даніиловымъ полководцемъ Димитріемъ, осадилъ Галичъ и сталъ тревожить Володимирию; Даніилъ обратился къ князьямъ литовскимъ, Мендогу и Эрдзивиллу и при ихъ помощи одержалъ побѣду надъ лахами и венгерцами; но

окончательно утвердился въ западной Руси—въ 1222 году (въ княжествахъ Галицкомъ, Владимірскомъ и Кіевскомъ). Кажется съ этого времени окончательно упрочилась власть Романовыхъ дѣтей въ западной Руси, причемъ Брестъ остается во власти Василька. Подъ 1227 годомъ въ Ипатіевской лѣтописи сказано: «брать же (Данилъ) да Василькови Луческъ и Пересопницю, Берестій же ему бя прежде далъ.» Въ томъ же году Даніилъ и Василько отражаютъ ятвяговъ, напавшихъ на Брестскую область подъ предводительствомъ своихъ князей: *Монудинича, Шутрова, Стечута, Зебровича и Небра.* Въ 1229 году Даніилъ, отправляясь съ Василькомъ на помощь Конраду противъ Владислава, оставилъ въ Брестѣ князя Пинскаго Владимира, для защиты области Берестейской отъ нападенія ятвяговъ, «сама же идоста на войну, остависта же въ Берестіи Володимира Пинскаго, и Угровъчаны и Берестяны стеречъ земли отъ ятвязъ». На Брестскую область напали литовцы, но были истреблены до одного: «И придоша (Литва) къ Берестью.... и изыде (Владиміръ Пинскій) на нѣ и Берестяне вси избираша ѿ всѣхъ¹⁾.»

Междудѣмъ наступила для западной Руси смутная эпоха; Владимірія подверглась страшнымъ опустошеніямъ. По словамъ Карамзина «Батый, какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣлые области, терзая когтями остатки. Храбрые русскіе князья пали, другіе скитались въ чужихъ земляхъ, матери оплакивали смерть дѣтей, дѣвицы въ отчаяніи о потерѣ своей невинности бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки; жены бояръ сдѣлались рабынями варваровъ — носили воду, мололи жернова».

По удаленіи Батыя въ Венгрію въ 1241 году, дѣти Романа не могли вѣхать отъ смрада ни въ Брестѣ, ни во Владимірѣ, и Даніилу не только пришлось вызывать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, но и бороться съ буйными боярами — самовольно расположившимися въ областяхъ, а воевода Дрогицкій даже не впустилъ князя въ этотъ городъ. «И прииде ко граду Дорогычину и восхотѣ вnitи во градъ, и вѣсьто бысть ему, яко не внидиши во градъ». Огорченный такимъ поступкомъ, Даніилъ говоритъ: «се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ.... и отъиде мы слячи, иже Богъ послѣже отъмстѣ створи держателю града того и вдастъ и въ руцѣ Даніилу; и обнови и созда церковь прекрасну святой Богородици, и рече: «се градъ мой, прежде бо пріяхъ и копъемъ²⁾.» Отсюда Даніилъ отправился въ Брестъ, а потомъ въ Холмъ.

¹⁾ Карамзинъ II, 226; мѣста относящіяся къ событиямъ послѣ 1222 г. находятся въ П. С. Р. Лѣтоп. II, 167, 168, 175 и 178.

²⁾ Карамзинъ III, 203 и слѣдующія; IV, 3, 4, 14, 18 и 19.

Въ теченіе второй половины XIII столѣтія, до распространенія надъ западною Русью господства Литвы, земли между Бугомъ и Наревомъ съ городами *Брестомъ*, *Дрогичиномъ*, *Мельникомъ*, *Бѣльскомъ* и др., уже находились постоянно во власти Даніила, а по смерти его во власти его преемниковъ почти до половины XIV столѣтія. О времени завоеванія Бреста литовцами, у литовскихъ и польскихъ писателей встрѣчается разногласіе: одни (Балинскій), повторяя Стрыйковскаго, относятъ это событие къ Эрдзивиллу¹⁾, другіе (Ярошевичъ) приписываютъ завоеваніе Бреста даже Витенесу, третыи — Гедимину. Слѣдуя Карамзину, Брестъ оставался во власти Даніила и его потомковъ почти до половины XIV столѣтія, когда Владіміръ по родственнымъ связямъ достался Любарту. Но въ фактахъ Стрыйковскаго много ошибокъ, съ чѣмъ согласны даже и польскіе писатели. Для исторіи западной Руси въ XIII вѣкѣ, самымъ лучшимъ и достовѣрнымъ источникомъ суть лѣтописцы волынскій и новгородскій, а потому, для разъясненія этого вопроса, мы обратимся къ современному дѣеписателю — справедливому и строгому лѣтописцу волынскому.

По смерти Даніила, княземъ Владімірскимъ остался братъ его Василько; остальная часть галицкаго королевства раздѣлена была между Львомъ, Мстиславомъ и Шварномъ Даніловичами. Въ 1269 году умеръ Василько, оставивъ наслѣдникомъ Володімірскаго княжества сына своего Владіміра, прозваннаго *Философомъ*, государя кроткаго, милостиваго и справедливаго. Онъ построилъ *Каменецъ* на р. Лѣстнѣ (Лѣснѣ), исправилъ и обновилъ укрѣпленія въ Брестѣ, Бѣльске и другихъ городахъ, украсилъ церкви — живописью, серебромъ, финифтью и надѣлилъ ихъ священными книгами, имъ самимъ списанными «въ Берестіи же съза стлпъ (столпъ) каменъ, высотою яко и каменецкій²⁾.» Несмотря па раздробленіе, князья западной Руси дѣйствовали согласно въ войнахъ съ Польшею и Литвою. Владіміръ велъ малую войну съ Троїденомъ, наслѣдникомъ Гедимины, овладѣвшимъ землею ятвяговъ (съверо-западною частію губерніи) «про то, иже бяше отецъ его Василько убилъ на войнахъ три брата Троїденовы.... и воевавшеся с'нимъ,

¹⁾ По словамъ Стрыйковскаго — сынъ Монтвилловъ Эрдзивилль построилъ Гродно и завоевалъ Новогрудекъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ и Брестъ, разоренный татарами, и побѣдилъ Кайдана. Но это несправедливо: Дрогичинъ и Брестъ остались при Даніилѣ и послѣ нашествія монголовъ. Карамзинъ. Объ основаніи же Гродна смотрите эту статью.

²⁾ «И за Берестiemъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемомъ Лѣстнѣ и нарече имѧ ему Каменецъ, зане бысть каменна земля. Съза же въ немъ стлпъ каменъ, высотою 17 саженей.... и церковь постави Благовѣщенія.... и украси ю иконы златыми и съсуды скова служебны, и евангеліе опракость скова серебромъ, апостоль опракость и паромъя, и съборникъ отца своего тутожъ положи, и крестъ воздвигальны. Также и у Бѣльску поустрои церковь иконами и книгами».... Карамзинъ т. IV примѣчаніе 166.

но не великими ратьми ліето ціело». Когда же Тройденъ овладѣль Дрогичиномъ (весною 1274 г.), бывшимъ во власти Льва Даниловича, князя западной Руси просили помощи у великаго Хана Менгу-Тимура. «Менгу-Тимуръ же да ему (Льву Даниловичу) рать и Ягураина с'ими воеводу и заднѣпрскія князи всѣ. Романа дѣ Брянского и инѣхъ князи много. Тогда бо бяху вси князи въ воли татарской». Съ наступленіемъ зимы князья русскіе (Рустії) Левъ, Мстиславъ и Владиміръ приготовились къ походу; на походѣ къ Турову къ нимъ присоединились и князья Пинскіе.... «и бысть идущимъ имъ мимо Турова къ Слуцку, и ту ся сняста с'татары у Слуцка». По соединеніи съ татарами, войска союзниковъ двинулись къ Новогрудку; ночью перешли р. Сирвяче и съ восходомъ солнца двинулись далѣе въ двухъ колоннахъ. Татарышли въ правой колоннѣ, имѣя въ аріергардѣ отрядъ Льва Даниловича, а Владиміръ въ лѣвой. «Татарове же прислаша ко Львови, рекучи: дѣти наша видѣши, яже рать стоитъ за горою; пара идетъ изъ коней... Но пара идяша съ истоковъ текущихъ с'горъ, зане морози бяху велиди.... И придоша ко городу....» Ждали на Романа и Глѣба, Мстиславъ же остался въ Полѣсси «Мстиславъ же баше не притягль воюя въ Полѣсси». По приходѣ Романа и Глѣба — хотѣли было итти въ Литву но недовольные Львомъ, за то, что онъ съ татарами сжегъ окольный городъ, князья возвратились во свояси безъ всякихъ результатовъ. Владиміръ просилъ къ себѣ тестя Романа, въ свою столицу Владиміръ, но тотъ отвѣчалъ «сыну Володимере! не могу отъ рати своей отъѣхати; се хожю въ земли ратной; а кто дѣ проводить рать мою домови ¹⁾.» Въ 1276 году Владиміръ и Левъ взяли Слонимъ, и во время дѣйствій съ Тройденовымъ полководцемъ, овладѣли Турійскомъ на рѣкѣ Нѣманѣ.

Въ 1277 году литовцы опустошили Добрынь, Ленчицы и Брестъ съ окрестною страною, въ которыхъ погибло до 40,000 людей отъ мечи и неволи ²⁾). Вѣроятно эти дѣйствія литовцевъ вызвало слѣдующее обстоятельство въ 1277 году. Ногай прислалъ къ русскимъ князьямъ Льву, Мстиславу и Владиміру своихъ пословъ: Техичиха, Котлубуху и Эшумута съ грамотами, требуя отъ нихъ помощи противъ литовцевъ. Послы хановы говорили: «всегда ми жалуете на Литву; се же вамъ дадесь рать и воеводу с'ими Мамшея....» Съ наступленіемъ зимы Мстиславъ и Владиміръ выступили въ походъ на Новогрудокъ; Левъ же Даниловичъ самъ не пошелъ, а послалъ сына своего Юрія. Въ Брестѣ

¹⁾ Skarbiec Даниловича т. I, № 222 годъ 1275; Карамзинъ, стр. 82 примѣч. 149 и 150 Волынскій лѣтописецъ.

²⁾ Дурсбургъ стр. 190. Кошевичъ стр. 146. Длугошъ стр. 811.

русские князья узнали, что татары уже ихъ опередили и двигались къ Новогрудку: «князи же начаше думати: иже пойдемъ къ Новогрудку, а тамъ уже татарове извоевали все; пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту. И пойдоша ко Городну, и т. д. (см. описание Гродна) ¹⁾. Литва сильно тревожила русскихъ князей, но въ тоже время они должны были помочь и татарамъ, вліяніе которыхъ на нихъ было весьма значительное, если въ 1282 году въ походѣ противъ венгровъ они потребовали отъ русскихъ князей помощи.... «идущю беззаконному Ногаеви и Телебузѣ на Угры.... велѣша пойти съ собою и русскимъ княземъ....» Левъ послалъ вмѣсто себя сына своего Юрия. Этими обстоятельствами воспользовался король польскій Болеславъ и овладѣлъ 10 деревнями въ окрестностяхъ Щекарева. Въ тоже время Лешко овладѣлъ Переоврекомъ и Львовымъ. Левъ спѣшилъ изъ Венгрии для защиты своихъ владѣній «и послалъ ко Володиміру, рѣка: брате! взведи Литву на Болеслава. Володимерь же послалъ Дуная. Литва же обѣщася: «Володимере добры княже! можемъ за тя головы свои положити.... Левъ же и Володимерь нарадиста рать.... и Берестью ожидающимъ, Литва не пристѣ на рокъ.... и Левъ послалъ воеводу Туйма и Василька Бѣльжанина и Рябца, а Володимерь Василька князя и Жилислава, и Оловянца и Вишту.... и начаша воевати около Вышегорода.... По семъ придоша Литва къ Берестю.» Владиміръ началъ думать, куда бы употребить ливовцевъ «своя бо рать ушла бяше уже далече на Болеслава, а уже рѣки растекаются,» но вспомнивъ о поступкѣ Лешка, который передъ тѣмъ овладѣлъ деревнею Воинъ «село на Вокрайници,» обратилъ ливовцевъ противъ лаховъ. Съ ними былъ Юрий Львовичъ, и «яко быша въ Мельницы, присла къ нему отецъ (Левъ), рѣка: не ходи съ Литвою; убилъ я князя ихъ Войшелка: любо вехотятъ места учинити. Юрий же не иде, но послалъ рать свою.... и взяша Сохачевъ ²⁾.»

Въ 1289 году умеръ Володимірскій князь Владиміръ Іоаннъ Философъ; смерть его оплакивали всѣ подданные, даже евреи. По завѣщанію бездѣтнаго князя мимо старшихъ въ родѣ Даниила, Льва и сына его Юрия, Владиміру Васильковичу наследовалъ Мстиславъ Даниловичъ ³⁾. Оскорблений Левъ Даниловичъ хотѣлъ выпросить у него по крайней

¹⁾ Даниловичъ I, № 225, годъ 1277; Волынскій лѣтописецъ; Карамзинъ IV, замѣч. 154.

²⁾ Даниловичъ № 228, годъ 1282; Карамзинъ IV, замѣч. 175.

³⁾ Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвою Пресвятой и Пречистой Богородицы Дѣви Маріи и святыхъ Ангеловъ. «Се азъ князь Володимеровъ сынъ Василько, внукъ Романа, даю всю свою землю и города по смерти своей брату моему Мстиславу Даниловичу, со стольными моихъ городомъ Володимеромъ.» Другое завѣщаніе касается вдовьяго удѣла жены его. Оба завѣщанія напечатаны съ копіи Румянцевымъ т. II, стр. 7, № 4 и 5. Волынскій лѣтописецъ; Карамзинъ т. IV, замѣч. 175.

мърѣ Брестъ; но и это ему не удалось. Не удалась также и хитрость сына его Юрія, властвовавшаго въ Дрогичинѣ и Мельникѣ, который съ притворною печалью жаловался Владиміру на своего отца. «Господине стрыю мой!... отецъ мой.... отнимаетъ у мене города, что ми былъ далъ, Бѣлзъ, и Червень и Холмъ, а велитъ ми быти въ Дорогичинѣ и въ Мельницѣ; а бью челомъ Богу и тебѣ, стрыеви своему, дай ми го-сподине, Берестій; то бы ми тому было.» (Ипатьевск. лѣтоп.). Но Владимири Бреста не далъ; тогда Юрій прибѣгнулъ къ другимъ мѣрамъ; онъ еще при жизни Владимира склонилъ на свою сторону Берестьянъ, которые «учинили коромолу.... ўхавши къ Юрьеви князю цѣловаше кресть па то рекуше: «како недостанетъ стрыя твоего (Владимира), ино мы твои, и городъ твой, а ты намъ князь.» И дѣйствительно, по смерти Владимира, Юрій сталъ властвовать въ Брестѣ, Каменцѣ и Бѣльскѣ, но убоясь гнѣва своего отца и угрозъ Мстислава, удалился въ Дрогичинъ со своими приверженцами: «поеха Юрій вонъ изъ города (Бреста) съ великимъ соромомъ, пограбивъ всѣ дома стрыя своего, и не-остася камени въ Берестыи, и въ Каменцѣ и въ Бѣльски»....

Пробывъ нѣсколько дней въ Брестѣ, Мстиславъ отправился черезъ Каменецъ въ Бѣльскъ, «ради ему быша вси людѣ», назначилъ начальникоў, возобновилъ укрѣпленія, вооружилъ ихъ и поставилъ свои гарнизоны «утвердивъ людій, засаду посади въ Бѣльски и Каменци.» По возвращеніи въ Брестъ строго наказалъ жителей за ихъ крамолу. «Се азъ князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю Ловчіе на Берестьянъ во вѣкъ за ихъ крамолу, съ ста по двѣ лукнѣ меду, по двѣ овцы, по пятнадесятъ десятковъ лну, а по сту хлѣба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, и по 20 куровъ; а по только съ всякаго ста; а на горожанѣхъ 4 гринви куръ, а кто мое слово порушить, а станетъ съ мною предъ Богомъ.» Потомъ Мстиславъ отправился во Владиміръ, торжественно вступилъ на престоль на Святую, 10 апрѣля 1289 года (6797) и началъ княжить спокойно, храня миръ съ сосѣдними ляхами, нѣмцами и литовцами *).

Татары, уже не беспокоили западной Руси; ятвяги покоренные Тройденомъ къ Литвѣ жили мирно, получая отъ русскихъ хлѣбъ въ замѣнь бобровъ, черныхъ куницъ, воска и серебра; пограничные князья ли-

*) «Князь же Мстиславъ сѣдѣ на столѣ Володимера на самый Великъ день въ лѣто 6797 (1289) апрѣль 10 день и нача княжити правдолюбiemъ свѣтись.... и бысть радость велика лх-демъ се воскресеніе Господне, а се княже сѣденіе, миръ держа съ кольными сторонами, съ Ляхы, съ Нѣмцы и съ Литвою, одржа землю свою величествомъ ольны по татары, а съмо по Ляхы и по Литву. Тогда же литовскій князь Будикидъ и братъ его Буйвидъ даша Мстиславу городъ свой Волковискъ, абы съ нимъ миръ держати» Даниловичъ.

товские братья Будикидъ и Буйвидъ, уступкою Волковиска купили дружбу Мстислава, а Болеславъ и Конрадъ искали этой дружбы.

По смерти Мстислава Даниловича, Юрій Львовичъ наследовалъ Владимирское княжество, а въ 1301 году, по смерти отца своего Льва Галицкаго, возобновилъ титулъ своего дѣда Даниила, и подобно ему именовался королемъ русскимъ. Юрій умеръ въ 1316 году, передавъ власть сыновьямъ своимъ Андрею и Льву, одинъ изъ нихъ былъ тестемъ Любарта. Андрей и Левъ, въ договорѣ съ великимъ магистромъ прусскимъ Карломъ Тирскимъ, называли себя князьями Руси, Галиціи и Лодоміріи (Володимири). Это былъ первый договоръ князей русскихъ съ орденомъ, заключенный вѣроятно для охраненія себя отъ завоеваній Гедимины¹⁾. Послѣдній владѣтель Галиціи князь Юрій Андреевичъ, въ договорахъ съ тѣмъ же орденомъ (1325—1334), жившій до 1336 года, именовался тоже княземъ русскимъ²⁾.

По завоеваніи Киева Гедиминомъ (1320 г.), княжество Володимирское сохранило еще нѣсколько лѣтъ свою независимость и силу; владѣтели его Андрей и Левъ умерли только въ 1324 году, оставивъ наследникомъ малолѣтняго Юрія или Георгія (1315—1336 г.), который въ грамотахъ писался княземъ русскимъ, наследникомъ Романа, Данила, Льва, Юрія и Андрея, жилъ то въ Владимирѣ, то въ Львовѣ, употреблялъ печать своего дѣда; за малолѣтствомъ князя, государствомъ управлялъ Гедиминъ.

Брестъ не былъ завоеванъ Гедиминомъ; въ 1319 году, вмѣстѣ съ Дрогичиномъ онъ еще принадлежалъ Володиміріи, можетъ быть послѣ побѣды одержанной литовцами надъ владимірскимъ княземъ, Гедиминъ жилъ нѣкоторое время въ Брестѣ, но князь Левъ отнялъ эти города.

Вскрѣ послѣ этого события мы находимъ Брестъ въ рукахъ ордена; ибо въ 1334 году во время войны съ королемъ польскимъ Казимиромъ, магистръ тевтонскій Лютеръ Брюнскій, заключилъ договоръ на продолженіе перемирія, по которому—замокъ *Брестъ съ городомъ и землею* магистръ *уступаетъ или князю мазовецкому или Матфею епископу владиславскому*; но если бы миръ несостоялся *Брестъ*

¹⁾ Оригиналь на латинскомъ языке хранится въ Кенигсбергѣ; копіи у Карамзина, т. IV, замѣч. 268 (изданіе 1819). На подлиннике двѣ печати—на одной печати изображенъ князь Юрій или Георгій, сидящій на тронѣ съ короной и держащий въ правой руцѣ мечъ; кругомъ написано: *Domini Georgii Regis Russiae*; на другой сторонѣ изображеніе всадника со щитомъ и конемъ въ руцѣ съ надписью: *Domini Georgis Principis Ladimeriae*. Вторая печать повреждена, на ней видно изображенія съ одной стороны рыцаря, окруженнаго звѣздами, луною и крестомъ, а съ другой льва. Даниловичъ I, № 281, годъ 1316.

²⁾ Даниловичъ I, № 319, годъ 1325; № 341, годъ 1334; № 369, годъ 1342. Карамзинъ т. IV, замѣч. 276, (изданіе 1819); договоръ съ великимъ магистромъ Вернеромъ Урселеномъ и княземъ Лютеромъ Брюнскімъ.

возвращается магистру¹⁾). Въроятнѣе всего, что Брестъ достался ордену по добровольной уступкѣ Льва, съ которымъ Людеръ Брюнсвикскій находился въ родствѣ.

Слѣдя Ярошевичу, Брестъ, Слонимъ, Волковискъ и Гродно завоеваны были Витенесомъ (1283 — 1315); но князья русскіе при каждомъ удобномъ случаѣ старались возвратить свои владѣнія, дружились съ орденомъ и татарами и, хотя были слабы, дѣйствовали болѣе и менѣе успѣшно. Гедиминъ (1315 — 1340 г.), женившій сына своего Любарта на Буши дочери и наслѣдницѣ владимирскаго князя, внука Данилова²⁾, могъ водвориться въ какой нибудь части Владиміріи, раздробленной между многими небольшими русскими князьями Данилова рода, которые владѣли ея частями какъ удѣлами, доставшимися имъ отъ прежнихъ соплеменныхъ государей, либо же получили ихъ по смерти Юрия въ силу договоровъ съ Гедиминомъ; каждый изъ нихъ хотѣлъ лучше что нибудь имѣть, нежели позволить овладѣть цѣлымъ государствомъ тому изъ среды себя, кому оно принадлежало по праву наслѣдства. А потому не ранѣе, какъ по смерти послѣдняго потомка Даниила въ исходящей линіи, Кейстутъ и Любартъ, въ 1337 году, безъ труда захватили себѣ всѣ русскія земли, смѣжныя съ Литвою (Брестъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Владиміръ и Луцкъ), или заставили добровольно покориться себѣ русскихъ князей, обезсильвшихъ отъ своего размноженія и усобицъ, по выражению лѣтописца, «обезсиливши по несогласію ихъ» и присягнуть въ вѣрности³⁾.

Изъ этого обзора лѣтописныхъ извѣстій и сличенія литовскихъ и русскихъ историковъ видимъ: что 1) земли, лежащія по лѣвому берегу западнаго Буга, гдѣ главнымъ пунктомъ былъ городъ Брестъ, принадлежали въ XII и XIII столѣтіи русскимъ князьямъ. Но не безъ основанія думаемъ, что они принадлежали потомкамъ Владимира Святаго въ XI и даже въ X столѣтіи. Въ этомъ мнѣніи насъ утверждаютъ не только слова Нестора и Карамзина, но и слѣдующія обстоятельства: а) западный Бугъ съ давнихъ временъ считается пограничною рѣкою; б) самъ Длugoшъ называетъ этотъ городъ «Brzescia Ruthenicae» т. е. Брестъ Русское, и в) Берестьянѣ, по словамъ Нарушевича (*Hist. Narod. Pols. IV*), съ давнихъ временъ были послѣдователями православной вѣры и всегда тяготились зависимостію отъ польскихъ королей, которымъ

¹⁾ Даниловичъ I, № 342, годъ 1334.

²⁾ *Obraz Litwy, Jaroszewicz*, часть I, § 24 и 25. Зубрицкій говоритъ, что Любартъ женатъ былъ на дочери Андрея, а не Владимира Львовича; у Ярошевича сказано, что Любартъ былъ женатъ на Буши дочери Владимира Львовича; послѣднему слѣдуетъ Делевель.

³⁾ Зубрицкій стр. 92.

въ описываемыя нами столѣтія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, иногда удавалось короткое время владѣть этою страною и городомъ Брестомъ.

2) Въ княжествѣ Володимірскомъ потомки Даниила княжили независимо почти до XIV столѣтія, когда слабые удѣльные князья частію силою, частію же по родственнымъ связямъ подпали подъ верховную зависимость Литвы, или искали покровительства могущественнаго Гедимины.

3) Если укрѣпленія Бреста были заняты Эрдзивилломъ, а можетъ быть Витенесомъ, то оставались во власти Литвы не долго. Мы даже не имѣемъ достовѣрныхъ доказательствъ о завоеваніи Бреста; напротивъ изъ словъ лѣтописцевъ видимъ, что берестяне успешно отражали нападенія Литвы въ концѣ XIII столѣтія.

Только послѣ завоеванія Киева (1320) мы видимъ въ рукахъ Гедимины и Брестъ, въ которомъ какъ въ сильномъ военномъ пункѣ, могъ быть оставленъ литовскій гарнизонъ, и такимъ образомъ *Брестъ* могъ подпасть власти Литвы ранѣе окончательного занятія ею *Володимиріи* и вѣрнѣе всего перешель къ ней отъ магистра Брюнсвикскаго, который находился въ родственныхъ связяхъ съ княземъ Володимирскимъ Львомъ.

II.

Въ половинѣ XIV столѣтія древнее Галицкое королевство раздроблено было между иноплеменниками: въ Галиціи утвердились поляки; во Володиміріи—литовцы. Король польскій Казиміръ по смерти Болеслава Тройденовича, захвативъ Галицію, простиralъ свои виды и на Володимірію. Пользуясь отсутствіемъ литовскихъ князей Любарта, Кейстута и Патрика, занятыхъ войною съ орденомъ, проницательный король собралъ войско и двинулся въ 1348 году въ Володимірію — взялъ Луцкъ, Владиміръ, Холмъ, крѣпость Брестъ и занялъ всю брестскую землю; многія укрѣпленные пункты — Дрогичинъ, Брянскъ и другіе смѣжные съ Пруссіей сами отворили ворота побѣдителю; русскіе князья, остававшіеся еще въ своихъ удѣлахъ, присягнули Казиміру въѣрности и получили отъ него собственныя земли съ верховною зависимостію отъ Польши; въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ оставлены польскіе гарнизоны. Но князья литовскіе, породнившися по женамъ съ русскими и принявшиѣ большую частію ихъ вѣроисповѣданіе, по окончаніи непріязненныхъ дѣйствій съ рыцарями, безъ труда выгнали поляковъ изъ Володиміріи, воротили назадъ *Брестъ*, Владиміръ, Холмъ и Бельзъ, т. е. всю Володимірію, кромѣ Львовской земли, и заключили съ

Казиміромъ миръ, по которому Володимірія остается въ рукахъ літовцевъ. Однако, и послѣ такого успѣха, литовскіе князья, ведя безпрерывную войну съ орденомъ, не могли обращать надлежащаго вниманія на Казиміра, который въ 1366 году (по Бѣльскому въ 1365) захватилъ Белзъ, Холмъ и Владиміръ, — на этомъ впрочемъ ограничились успѣхи поляковъ; по договору Казиміра съ Ольгердомъ, Кейстутомъ и Любартомъ — за Литвою остаются: *Бѣльскъ, Бранскъ, Дрогичинъ, Мельникъ, Брестъ, Каменецъ и Кобринъ* — т. е. *Русь пограничная съ Польшею, Мазурію и Пруссію въ окрестностяхъ р.р. Нарева, Нѣмана и Буга* *), составлявшая удѣлы Ольгерда и Кейстута, а также и земля Луцкая, — удѣлъ Любарта. Въ послѣдующихъ войнахъ Литвы съ Польшею, за Володимірію остаются и другія земли Галицкаго королевства, князья литовскіе удержали за собою почти всю западную Русь, оставшуюся за Литвою до Люблинскаго соединенія (1569), когда она съ Польшею составила одно государство.

По смерти Кейстута, часть Володиміріи (*Брестъ, Гродно, Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Суражъ, Каменецъ и другіе въ окрестностяхъ Буга*) перешла къ Витольду и до 1569 году входила въ составъ сперва Гродненскаго и Брестскаго княжествъ, а съ 1501 года составляла часть Подляшскаго воеводства; наконецъ въ 1569 года изъ нее образовано воеводство Брестское, въ которомъ были уѣзды Брестскій, Пинскій и Кобринскій.

Во второй половинѣ XIV столѣтія русины, находясь подъ вліяніемъ Литвы почти ежегодно нападали на поляковъ или владѣнія ордена; съ обѣихъ сторонъ велись опустошительныя войны; къ нимъ въ послѣдствіи присоединились междуусобія Ягеллы съ Витольдомъ; при этомъ *Брестъ* неоднократно подвергался разореніямъ, а въ укрѣпленномъ замкѣ его находили убѣжище Кейстутъ, Бирута и Витольдъ. Между прочими сказаніями о Брестѣ въ эту эпоху литовскіе историки отмѣтили слѣдующія события:

Въ 1389 году рыцари Тевтонскаго ордена подъ предводительствомъ коммандора Теодорика Эльнера достигли Бреста. Въ 1378 и 1382 — Янъ князь мазовецкій, союзникъ и зять великаго князя литовскаго, вторгнулся въ Подлясіе, принадлежавшее Володимірію, овладѣлъ Дрогичиномъ и Мельникомъ и опустошилъ земли — Бѣльскую, Суражскую, Каменецкую и Брестскую; но изъ уваженія къ Бируту Бреста не тронулъ. Въ 1389 году, когда Витольдъ, вторично поссорившись съ польскимъ королемъ, искалъ помощи у тевтонцевъ,

*) Зубрицкій стр. 151 и 152.

Брестъ былъ взятъ Ягелломъ, который оставилъ въ крѣпости свой гарнизонъ подъ командою Гинча (Hincza) изъ Рогова¹⁾; но подобно Гродну, Брестъ, при помощи ордена и многихъ рыцарей и князей англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ²⁾, взять обратно Витольдомъ. Осаждающими предводительствовалъ князь ланкастерскій, впослѣдствіи англійскій король Генрихъ Черный.

Блистательный и славный военными подвигами великий князь литовскій Витольдъ, по прекращеніи междуусобій съ двоюроднымъ братомъ, обратилъ вниманіе на глубокія раны своего обширнаго государства. Еще въ 1390 году Ягелло далъ обывателямъ Бреста и иного-роднымъ жителямъ полякамъ и руси, всякаго состоянія и всѣмъ христіанамъ магдебургское право, отмѣнившее всѣ прежнія русскія и литовскія права и учрежденія и установившее власть войта, отъ кото-раго аппелляція восходила непосредственно къ самому королю. Городу отведено 60 франконскихъ уволовъ или лановъ земли съ опредѣле-ніемъ чинша, уплачиваемаго ежегодно въ день Св. Мартина³⁾. Ви-тольдъ, подтверждая привилегію короля Владислава, новою льготою 1408 года освобождаетъ изъ подъ власти войта русиновъ и новокре-щеныхъ литвиновъ; возвращаетъ русинамъ прежнія русскія права; дозволяетъ какъ имъ, такъ и новокрещеннымъ литвинамъ судится по своимъ собственнымъ законамъ; распространяетъ городскія земли черезъ причисленіе къ городу деревни *Козловичъ* со всѣми землями; опредѣляетъ съ лана плату обыкновенного чинша; разрѣшаетъ мѣщанамъ пользоваться доходами съ постригальни и воскобойни и опредѣляетъ для Бреста размѣръ податей, права и преимущества одинаковые съ Люблиномъ⁴⁾.

Мы уже сказали, что въ XI столѣтій въ Брестѣ и окрестной стра-нѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки Буга господствовала національность русская и что берестьянѣ исповѣдовали православную (греко-восточную) вѣру. Но въ исходѣ XIV столѣтія въ Брестѣ было не мало и католи-ковъ, поселившихся вѣроятно при Казимирѣ и Ягеллѣ. Балинскій пола-гаетъ, что первая католическая церковь во имя Св. Креста заложена въ Брестѣ Ягелломъ.

¹⁾ Staroѣt. Polska. Балинскій т. III, стр. 724.

²⁾ При осадѣ Гродна и Берестова войсками командовалъ князь Ланкастерскій, старшій сынъ короля англійскаго. Но эта осада вѣроятно случилась раньше или послѣ 1389 года, ибо въ этомъ году князь Ланкастерскій воевалъ въ Испаніи. Зубрицкій.

³⁾ Привилегія короля Владислава Ягеллы, данная брестскимъ мѣщанамъ въ Краковѣ, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, 1390 г. Крашевскій. Obrazy podrózy i žycia. Wilno. стр. 174.

⁴⁾ Льгота в. к. Витольда мѣщанамъ г. Бреста 1408 г. въ четвергъ послѣ обращенія апостола Павла. Крашевскій стр. 174, Балинскій т. III, 726.

Витольдъ, заботившійся одинаково о подданныхъ безъ различія происхожденія и вѣры, обновивъ эту церквь въ 1412 году, надѣлилъ причтъ землею и двумя корчмами; дозволилъ капеллану в. к. литовскаго и брестскому пробоющу Андрею на отведенной землѣ осадить 40 огодниковъ, которые вмѣстѣ съ содергателями корчмъ обязаны были платить церкви — первые по 12 широкихъ грошей, а послѣдніе по одной копѣ, за то какъ тѣ такъ и другіе освобождались отъ службы и податей, а по суду и расправѣ подлежали настоятелю костела, а не замковой юрисдикціи; послѣдней подчинялось духовенство православныхъ церквей; въ то же время духовенству католической церкви предоставлено право — десятины со всѣхъ княжескихъ имѣній (фольварковъ), приписанныхъ къ брестскому замку, и свободной ловли рыбы въ рр. Бугѣ и Мухавцѣ. Около того же времени въ Брестѣ призваны изъ Казимірова августіанские монахи, которымъ отданы обширные плацы между р.р. Мухавцевъ и Бугомъ для постройки, а на ихъ содержаніе опредѣлены доходы съ брестскаго мыта 4 копѣ широкихъ грошей и съ княжескихъ имѣній десятина и данина воскомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ къ августіанскому монастырю приписана д. Костомолы на р. Бугѣ *). Въ привилегіи Витольда (1412) упоминается только объ одной греко-восточной церкви Св.-Николая (Микулы); но безъ сомнѣнія православныхъ церквей въ то время было еще нѣсколько.

Витольдъ послѣ пораженія при Ворсклѣ (1399) жилъ мирно съ татарами; обращая болѣе вниманіе на западъ, онъ велъ войну съ тевтонцами, и дѣйствовалъ согласно съ Ягелломъ, который любилъ часто посѣщать свое прежнее отечество Литву, — то охотясь вмѣстѣ съ Витольдомъ въ Бѣловѣжской пущѣ, то проводя время въ совѣщаніяхъ о способахъ веденія войны съ рыцарями. На одномъ изъ такихъ совѣщаній, происходившемъ въ Брестѣ въ 1409 году, приглашенъ и кипчакскій султанъ Саладинъ; общимъ совѣтомъ решено было соединенными силами дѣйствовать противъ рыцарей; походъ заключила славная победа при Грюневальдѣ или Таненбергѣ въ 1410 году. Въ этомъ сраженіи находились полки брестскій, гродненскій, пинкій, дрогичинскій, мельницкій и др., составленные частію изъ литовцевъ; успѣхъ побѣды главнымъ образомъ приписывали русскимъ (Длugoшъ).

Сигизмундъ Кейстутовичъ неоднократно пребывалъ въ Брестѣ; между множествомъ заключенныхъ здѣсь договоровъ, уцѣлѣлъ его трактатъ 1438 года 27 мая, заключенный съ магистромъ относительно времени обмѣна плѣнныхъ.

*) Балинскій III, 725 и 726.

Казимиръ Ягелловичъ, избранный въ 1440-мъ году на престолъ велико-княжескій, выѣхалъ въ Вильно изъ Бреста съ большими почестями.

Въ 1444 году, когда подъ Варной падъ польскій король Владиславъ IV, высшее духовенство и вельможи польские на съѣздѣ въ Сѣрадѣ рѣшили просить великаго князя литовскаго принять польскую корону. Зная политику польскихъ вельможъ, стремившихся овладѣть имѣніями его подданныхъ въ Литвѣ и привыкшихъ къ уменьшенію правъ королевскихъ, Казимиръ привязанный къ русскому народу и языку, господствовавшимъ въ Литвѣ, — несоглашался мѣнять вѣнца велико-княжескаго на королевскій и, подкрѣпляемый своимъ литовскимъ соѣтникомъ, по нѣсколько разъ отправлялъ обратно польское посольство. Въ началѣ 1446 года онъ даже послалъ русскихъ князей Василія по прозванію Краснаго, Юрія Семеновича Острожскаго и четырехъ бояръ собственно литвиновъ въ Пётрковъ съ окончательнымъ отказомъ отъ польской короны. Однако поляки, избирая князя мазовецкаго Болеслава, если бы Казимиръ отказался отъ короны, охотнѣе желали видѣть польскую корону на главѣ богатаго и могущественнаго в. к. литовскаго, а потому отправили къ нему еще одно посольство, и на этотъ разъ успѣли въ своемъ дѣлѣ. Окруженный своимъ совѣтомъ, Казимиръ соглашался вступить на польскій престолъ, но съ условіемъ, чтобы поляки не присвоивали себѣ никакого права на Волынь, Подоль, Ратно, Лопатинъ, Городло и землю Олельскую *). Потомъ онъ приказалъ отдать Польши Ломазы и Полубицы, со многими селами на лѣвомъ берегу р. Буга, которую поляки хотѣли имѣть границей между Польшею и Русью и, присоединивъ оные къ Бресту, явно тѣмъ показывалъ, что онъ принимаетъ корону вовсе не для того, чтобы Литовское государство слить въ одно цѣлое съ Польшею. Напротивъ, находясь на тронѣ Польши, онъ считалъ Литву настоящимъ своимъ отечествомъ и, часто пребывая въ Гроднѣ, не забывалъ и Бреста, одного изъ лучшихъ городовъ своего государства. Передъ войною съ орденомъ Казимиръ созвалъ сюда знанийшихъ литовскихъ вельможъ, предоставивъ имъ охранять Литву отъ замысловъ рыцарей: въ Брестъ прибыли литвинъ Гастольдъ и русинъ князь Юрій Острожскій, управлявшіе Литовско-русскими владѣ-

*.) Зубрицкій стр. 345, 346 и 347.

Балинскій выставляетъ этотъ фактъ совершенно въ иномъ видѣ. Подъ 1446 годомъ у него польские вельможи призываются въ Брестъ будто бы для совѣщаній относительно присоединенія Волыни и Подолі къ Литовскому государству (III, 727). Между тѣмъ дѣло выходило иное — польские вельможи его искали и готовы были на все согласиться лишь бы на престолѣ имѣть могущественнаго государя. Зубрицкій.

ніями. Во все время Казимірова правленія литовскіе вельможи неоднократно съѣзжались въ Брестъ для совѣщаній (1453, 1454, 1460, 1461, 1478), вызывая Казиміра изъ Польши въ Литву жить среди любящаго его народа, или предлагая ему отказаться отъ польской короны въ пользу Симеона Олельковича, князя Киевскаго. Но король, пріѣзжавшій въ Литву съ своей женою, просьбами, подарками и приятнымъ обхожденiemъ успѣвалъ отлагать нетерпѣливость и требованія литовцевъ и русскихъ. Въ 1478-мъ году на Брестскомъ сеймѣ присутствовалъ даже самъ король; вельможи литовскіе и русскіе упрашивали его дать имъ въ государи одного изъ своихъ сыновей, но Казиміръ, пока былъ живъ, никому не хотѣлъ поручать управлениія Литвою *); надо полагать, что безъ доходовъ литовскихъ, онъ не могъ поддерживать своего королевскаго двора и вліянія на поляковъ; при томъ онъ могъ опасаться вовлечь Литву въ войны съ Польшею, въ успешномъ исходѣ которыхъ сомнѣвался.

Причисленный въ 1441 году къ числу главныхъ городовъ Литовскаго государства, *Брестъ* въ половинѣ XV столѣтія былъ уже весьма важнымъ городомъ, не только по богатству и обширности, но и по своему значенію,— пріѣзжавшіе вельможи на сеймы должны были занимать не малое число выгодныхъ и хорошихъ помѣщеній. Такое значеніе *Брестъ* удержалъ и въ первой половинѣ XVI столѣтія, несмотря на то, что въ 1500 году значительная часть города была опустошена крымскими татарами, не причинившими впрочемъ никакого вреда укрѣпленіямъ (замку).

Въ 1505-мъ году король Александръ, по поводу жалобы Михаила Глинскаго на нѣкоторыхъ вельможъ въ нарушеніи ими власти, созвалъ сюда сеймъ, на которомъ воевода троцкій Забрезинскій, намѣстникъ смоленскій Станиславъ Кишка, илоцкій воевода Глѣбовичъ и староста жмудскій Жарновскій — первоначально осуждены были къ тюремному заключенію, но въ послѣдствіи спасены ходатайствомъ канцлера великаго княжества Литовскаго Ивана Ласскаго. Дѣло кончилось отрѣшеніемъ Забрезинскаго отъ должности воеводы и заключеніемъ въ тюрьму старости лідскаго Иміча. Во время сейма Александръ съ торжествомъ принималъ хана крымскаго Шаха-Ахмета, который прежде содержался въ Вильнѣ подъ стражею. Король выѣхалъ за 5-ть миль отъ Бреста и встрѣтилъ хана подъ богатымъ наметомъ (шатромъ). Многіе литовцы, русины, поляки и татары пожалованы были въ рыцари. По окончаніи брестскаго сейма король отправился на польскій сеймъ въ Радомъ.

Въ 1511 году, король Сигизмундъ I созвалъ въ Брестъ литовскихъ

*) Dlugosz стр. 553; Зубрицкій стр. 400.

вельможъ для совѣщанія относительно защиты государства отъ нападеній крымскихъ татаръ. Между прочими распоряженіями король и великий князь подтвердилъ на этомъ сеймѣ права и преимущества мѣщанъ (15 октября), на основаніи прежнихъ привилегій; въ видахъ же улучшения города Сигизмундъ обратилъ въ его пользу доходъ съ хлѣба, привозимаго на торги (торговые) и чиншъ съ лавокъ и мясныхъ рядовъ; содержателямъ шинковъ дозволилъ право торговли, освободивъ ихъ отъ платы чинша съ пива, меду и водки (кашины), а содержателей бань и воскобоенъ увѣльнилъ отъ платежа всѣхъ податей, исключая взноса опредѣленныхъ доходовъ въ пользу ратуши. Сигизмундъ I, обратилъ особенное вниманіе на брестскихъ евреевъ, отличавшихся богатствомъ и зажиточностью и имѣвшихъ здѣсь знаменитую въ то время синагогу. Евреи поселены въ Брестѣ еще князьями Галицкими, при Кайстутѣ ихъ было здѣсь уже немало, а Витольдъ даровалъ имъ значительные преимущества и права въ торговлѣ. Сигизмундъ подтверждалъ права евреевъ, данныхыя предмѣстниками, разрѣшилъ имъ отпускать кирпичъ и глину на починку синагоги; евреи въ свою очередь должны были починить на собственный счетъ мостъ на Угринкѣ, но дорогѣ къ еврейскому кладбищу. Черезъ 4 года Сигизмундъ I, снова созываетъ въ Брестѣ литовскихъ вельможъ и обсуживаетъ съ ними средства обороны въ войнѣ съ татарами; въ тоже время изъ Латеранского собора къ королю прибылъ архіепископъ гнѣзденскій Иванъ Ласкій съ титломъ *Legatinati* (народнаго легата).

Вообще Брестъ пользовался у Ягеллоновъ особыннымъ вниманіемъ, — здѣсь началь политическое поприще Казимиръ, сперва какъ великій князь, потомъ какъ король; тутъ объявленъ великимъ княземъ и Сигизмундъ-Августъ, постоянно обращавшій вниманіе на устройство и улучшеніе Бреста. Разрѣшивъ въ пользу города давній споръ ратуши съ замкомъ относительно платежа чинша съ 60 лановъ городской земли, отведенной Бресту Ягелломъ, Сигизмундъ-Августъ обязалъ мѣщанъ построить часы на ратушѣ и содержать при нихъ трубача; потомъ (1551) освободилъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, мѣщанъ отъ поставки подводъ для королевскихъ гонцовъ, назначивъ таковую только при проѣздѣ черезъ Брестъ самаго государя и его свиты; далѣе обязалъ мѣщанъ платить доходъ съ питей въ замковую казну на сумму въ 50 копъ литов. грошей, и наконецъ, въ 1554 году, распространяя права и преимущества мѣщанъ, даровалъ городу Бресту гербъ съ изображеніемъ на красномъ полѣ, при слѣяніи двухъ рѣкъ, каменной башни или замка.

Король Стефанъ Баторій, подтверждая льготы данныхыя Бресту пред-

мѣстниками, увеличиваетъ городской доходъ мытомъ съ мостовыхъ (1580, генваря 2). Около этого же времени въ Брестѣ впервые появляются аптеки. Аптекарю (берестейскому цирюльнику) Генриху Петерсону, по распоряженію короля (18-го ноября, 1583), отведенъ участокъ земли, принадлежавшей замку, а домъ его и комора освобождены отъ платежа податей и повинностей*).

Въ началѣ царствованія Сигизмунда III, въ Брестѣ появляются мостовыя, на устройство и поддержаніе которыхъ въ 1588 году обращена часть городскихъ доходовъ. Въ видахъ распространенія торговли въ 1607 году установлено, чтобы каждая изъ трехъ существовавшихъ ярмарокъ продолжалась по мѣсяцу; иногороднимъ купцамъ на этихъ ярмаркахъ въ теченіе двухъ первыхъ недѣль дозволено не вносить торговыхъ пошлинъ и устраниены разнаго рода повинности, сопряженныя съ торговлею.

Такимъ образомъ со временъ Витольда до Сигизмунда Вазы, въ теченіе двухъ столѣтій, Брестъ отстроился и украсился такъ, что въ началѣ XVII столѣтія, занималъ одно изъ первостепенныхъ мѣстъ въ Литовскомъ государствѣ. Но историческое значеніе Брестъ приобрѣтаетъ не столько политическими сеймами литовскихъ бояръ, сколько религіозными соборами русскихъ епископовъ. Въ слѣдствіе этихъ соборовъ произошелъ рѣшительный переворотъ въ судьбѣ православныхъ Литовскаго государства, потрясшій основы даже его политического устройства, не говоря о народномъ духѣ; — отсюда начало упадка Бреста.

III.

Коренное населеніе съ древнѣйшихъ временъ православное при Владімірѣ Васильковичѣ видѣло евреевъ, которые въ XV столѣтіи имѣли въ Брестѣ славную синагогу. Ягелоны, призвавши въ Литву поляковъ, а съ ними и множество монашескихъ орденовъ, въ томъ же столѣтіи соорудили во многихъ литовскихъ городахъ католическая церкви. За католиками въ XIV столѣтіи въ Литвѣ находять своихъ послѣдователей гуситы, лютеране, кальвины, ариане и другіе реформаты, — такъ что въ концѣ царствованія Сигизмунда - Августа въ Литвѣ насчитывалось до 70 разныхъ христіанскихъ сектъ (Ярошевичъ). Брошенныя сѣмена въ Вильнѣ быстро распространялись по всему государству. Мѣщане

*) Привилегія Стефана Баторія берестейскому цирюльнику Петерсону, относительно постройки камеры для склада аптечныхъ вещей, данная на имя берестейского старосты — канцлера в. к. Литовскаго Остафія Волловича, 8 ноября 1583 г. Крашевскій (*Obrazy z podrozy i gycia*); Балинскій III, 731.

следовали за реформою Лютера, шляхта держалась Кальвина; даже самое духовенство, какъ православное, такъ и католическое, не прочь было принимать преобразованія. Брестскій староста князь Николай Радзивілль Черный, призвавъ въ Брестъ протестантовъ, около XVI столѣтія, сдѣлать его средоточіемъ послѣдователей Кальвина, отъ котораго самъ былъ въ восторгѣ. Вскорѣ Кальвинисты учредили въ Брестѣ свой синодъ, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго ученаго того времеи Симона Засціуша (Szymona Zaszczyusa), вызвали изъ Кракова Бернарда Воеводку (1558) и при помощи старости основали свою типографію, напечатавшую въ теченіи 12 -ти лѣтъ множество книгъ духовнаго и политическаго содержанія, разосланныхъ по Литвѣ. Здѣсь же напечатанъ на польскомъ языкѣ переводъ Библіи съ греческаго и еврейскаго языкковъ; эта кальвинская Библія, изданная въ 1563 году, подъ главной редакціей Андрея Тржецяка, известная подъ именемъ Радзивилловской, нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость.

Въ тоже время кальвины нашли сильныхъ соперниковъ въ новыхъ аrianахъ (или социніанахъ), первыя сѣмена которыхъ въ Брестскомъ воеводствѣ бросилъ Петръ Гонціушъ (Gonciusz-смотри Гоніондъ), въ 1556 году. Аrianъ поддерживали Кишки, въ особенности виленскій каштелянъ Янушъ Кишка; аrianе, быстро распространившіеся по Полѣсью, вели изустную и письменную борьбу съ брестскими кальвинами. Такое распространеніе религіозныхъ сектъ, стало угрожать католицизму; особенно когда диссиденты на Гродненскомъ сеймѣ 1568 года были сравнены въ правахъ съ католиками. Монастыри пустѣли, алтари и иконы предавались поруганію. Папская власть, пустившая уже глубокіе корни въ Литвѣ, была въ величайшей опасности. Напрасно виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ Шумковскій (1556 — 1579 г.) прибѣгалъ къ различнымъ средствамъ; диссиденты, покровительствуемы Сигизмундомъ Августомъ и вельможами, не боялись угрозъ и быстро распространялись. Въ такихъ обстоятельствахъ епископъ Валеріанъ въ 1569 году вызвалъ въ Вильно іезуитовъ (Braci Jezusowych), известныхъ уже своею религіозною ревностію. Это было лучшимъ средствомъ — не прошло и 20 лѣтъ отъ появленія іезуитовъ въ Вильнѣ, какъ учение ихъ нашло послѣдователей во всемъ Литовскомъ государствѣ; такъ быстро въ то время мѣнялись убѣжденія. Но политика этого ордена, уничтожая одно зло, прекращая разложеніе сектъ, раждала другое, язву пагубную для существованія государства: учение іезуитовъ, коснувшись совѣсти каждого гражданина, поколебавъ чистоту убѣжденій и породивъ фанатизмъ, дошедшій до изувѣрства, ввергло Литву въ нескончаемые религіозные смуты, скрѣпляя одно, они сыпали въ тихомолку

ядовитыя съёмена разложенія во всѣ составныя части общественной жизни.

Вызванные въ Брестъ, въ 1616 году, луцкимъ епископомъ Павломъ Валицкимъ, іезуиты прежде всего захватили въ свои руки кальвинскую типографію и перенесли ее въ Вильно; потомъ стали учреждать свои школы, въ подрывъ существовавшихъ школъ, изъ которыхъ известна была школа при церкви св. Николая, гдѣ дѣтей учили по гречески, по латынѣ и по русски. Въ то-же время своими происками они содѣйствовали къ закрытию брестского кальвинского собора.

Кажется уже несомнѣнно дѣло рѣшенное, что унія, это незаконное дитя восточной церкви, была дѣломъ іезуитовъ. Въ 1569 году послѣдовало окончательное соединеніе Литвы съ Польшею; совершившись вопреки многихъ передовыхъ и вліятельныхъ умовъ, это событие вмѣстѣ съ наплывомъ іезуитовъ и ихъ ревностныхъ послѣдователей поляковъ, нанеся ударъ лютеранамъ, кальвинамъ и социніанамъ, коснулось и православныхъ, имѣвшихъ со временъ Витольда (1415 г.) своего особаго митрополита. Понятіями и своеоліемъ поляковъ стали заражаться не только литовско-руssкіе вельможи, но весь свободный классъ народа, получившій недавно право участвовать въ сеймахъ. Іезуиты явились кроткими иноками, благотворителями несчастныхъ, ревностными проповѣдниками слова Божія и безкорыстными наставниками юношества. «Подъ гибельною маскою притворства и ханжества іезуитовъ развилась въ литовскихъ латининахъ страшная нетерпимость въ дѣлахъ вѣры» говорить Кояловичъ въ исторіи литовской уніи. Послѣ Сигизмунда Августа, на престолъ литовско-польскій, стали вступать государи иноземные, преданные Польшѣ, а не Литвѣ, какъ было прежде при Ягеллонахъ; покровительствуемые правительствомъ, іезуиты получали возможность дѣйствовать въ Литвѣ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Старая желаніемъ окончательного торжества своей церкви и зная непреклонность православныхъ къ совращенію въ католицизмъ, іезуиты обратились къ уніи. Какимъ образомъ они приводили въ исполненіе планъ уніи оставалось тайною до конца 1595 года. Такъ и всегда дѣйствовали іезуиты; гибельные язвы ихъ политики не ранѣе можно было примѣтить, какъ въ то время, когда уже весь организмъ приходилъ въ воспалительное состояніе (Кояловичъ).

При вступленіи на престолъ литовско-польскій, воспитанника іезуитовъ Сигизмунда III, состояніе западной-Русской церкви, отдѣленной отъ восточной-Русской, во многихъ отношеніяхъ было бѣдственное и опасное; требовались рѣшительныя мѣры для возстановленія чистоты даже въ духовенствѣ. Всѣ іерархи, братства и міряне чувствовали не-

обходимость собора. Митрополитъ западно-Русской церкви назначилъ соборъ въ Брестѣ, на которой получили приглашеніе и многіе знатные міряне. Собранные въ Брестѣ епископы постановили жаловаться королю на притѣсненіе православной церкви; но не сдѣлали общаго окончательнаго дѣла, отъ котораго страдала православная церковь въ Литвѣ¹⁾; напротивъ Кириллъ, Гедеонъ, Леонтій и Діонісій, представивъ Брестскому собору жалобу на притѣсненіе короля, коварно скрывали тайну своихъ настоящихъ намѣреній. Во всей западно-Русской церкви возникло волненіе, отъ котораго приходили въ смущеніе самые ревностные поборники, а такое смущеніе было находкою для Кирилла и другихъ проповѣдниковъ уніи. Православной народъ, постоянно волнуемый разными слухами, мало по малу терялъ любовь къ своей церкви и, теряя разныя притѣсненія за любовь къ ней, приходилъ постепенно къ заключенію о подчиненіи папѣ и принятіи уніи. Даже лучшіе люди этого времени, мало по малу такимъ путемъ приходили къ мысли объ уніи.

Въ 1592 или 1593 году скончался брестскій епископъ Мелетій Хрептовичъ и на его мѣсто поставленъ Ипатій Поцѣй, человѣкъ обширнаго ума и знатнаго рода. Въ 1594 году на соборъ брестскій кроме Поцѣя, какъ мѣстнаго епископа брестской епархіи, явились митрополитъ Рогоза, Кириллъ Терлецкій и депутаты братствъ: Віленскаго, Львовскаго, Берестейскаго, Красноставскаго, Гольшанскаго, Городецкаго, Галицкаго, Бѣльскаго и многихъ другихъ²⁾. Братства приносили жалобы на своихъ іерарховъ и требовали опредѣленія отношеній ихъ къ мѣстнымъ духовнымъ властямъ. Между тѣмъ латиняне вооружились противъ митрополита за созваніе собора въ отсутствіе короля и вопреки конституціи 1593 года. Но противъ притязаній краковскаго архіепископа (примаса), поддерживали митрополита лучшіе изъ православныхъ. Соборъ приступилъ къ рѣшительному спасенію православной церкви отъ опасныхъ нововведеній. Общимъ мнѣніемъ постановлено: 1) львовскаго епископа Гедеона лишить святительского сана и каѳедры. 2) Утвержденіе всѣхъ прежнія братства. 3) Духовенство братское въ ставропигіальныхъ братствахъ подчинено митрополиту, а другихъ—мѣстнымъ

¹⁾ Балинскій на стр. 723 говоритъ несправедливо, будто бы на Брестскій соборъ 1590 года кіевский митрополитъ Михаилъ Рогоза созвалъ всѣхъ епископовъ православнаго исповѣданія для сужденія о дѣлахъ Унії. Такое мнѣніе ни на чёмъ не основано. Никто изъ іерарховъ тогда еще не помышлялъ объ Унії; эта мысль прежде всего родилась въ головѣ Михаила Терлецкаго, и то уже послѣ первого Брестскаго собора, а приведена въ исполненіе Ипатіемъ Потоцкимъ. Митрополитъ же былъ вовлеченъ въ Унію происками другихъ, а не самъ собою. Кояловичъ.

²⁾ Литовско-церковная Унія—Кояловича 1859 г. стр. 112.

епископамъ 4) Братства получили права учреждать школы и типографіи и имѣть проповѣдниковъ *). Объ унії здѣсь небыло произнесено ни слова, напротивъ распоряженія собора клонились къ скрѣпленію связей православной церкви, которая въ братствахъ нашла сильныхъ поборниковъ. Балинскій въ своемъ описаніи Бреста, выставляетъ брестскіе соборы 1590 и 1594 года въ такомъ видѣ, какъ будто бы дѣло шло о рѣшенной унії, что будто бы митрополитъ Рогоза, въ 1590 г., созывалъ въ Брестъ всѣхъ епархиальныхъ епископовъ православнаго исповѣданія для сужденія о дѣлахъ унії, и будто бы соборъ 1594 года рѣшилъ отправить въ Римъ Кирилла и Поцѣя съ поклоненіемъ папѣ и для переговоровъ о дѣлахъ Унії.

Соборъ и не думалъ посыпать въ Римъ этихъ епископовъ; никто не зналъ еще о намѣреніяхъ нѣкоторыхъ іерарховъ, надѣявшихся чрезъ унію или достигнуть своихъ честолюбивыхъ плановъ, или загладить свои преступленія. Мы съ намѣреніемъ вошли здѣсь въ подробности, чтобы выставить дѣла двухъ первыхъ брестскихъ соборовъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ; Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй поѣхали въ Римъ сами собою, склонивъ предварительно на свою сторону и нерѣшительного митрополита Михаила, еще въ январѣ 1595 года. Всльдѣ за симъ, уполномоченные митрополитомъ, Поцѣй и Терлецкій представили Сигизмунду III условія унії и довѣренность на веденіе переговоровъ. Условлено было, что митрополитъ, Поцѣй и Терлецкій съѣдутся въ Кобринѣ. Но къ назначенному сроку, 18 мая 1595 года, митрополитъ не явился. Его нерѣшительность смущила Терлецкаго и Поцѣя; они укоряли Владыку въ измѣнѣ, угрожали гнѣвомъ короля и звали его явиться поскорѣе въ Брестѣ; тѣмъ дѣло и кончилось; митрополитъ и въ Брестѣ не поѣхалъ, когда узналъ, что Терлецкій и Поцѣй совершенно предаютъ латинянамъ свою церковь. Послѣ такихъ происковъ и сношеній съ римскимъ дворомъ при посредничествѣ Сигизмунда и іезуитовъ, Кириллъ и Терлецкій поѣхали въ Римъ въ сентябрѣ 1596 года, т. е. не прямо изъ брестского собора, какъ уполномоченные, а спустя цѣлый годъ, какъ духовные послы католического государя, а не православной церкви.

Такимъ то образомъ рѣшилось дѣло унії, окончательно созрѣвшее въ умѣ Сигизмунда III и его сподручниковъ іезуитовъ; надо было только дать ей законную силу; а потому по возвращеніи епископовъ изъ Рима опредѣленъ общій съездъ православныхъ, уніатовъ и лати-

*) Тамъ же стр. 115 и 116.

нанъ какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ. Временемъ открытия собора назначено 6 октября 1596 года.

Въ описаніи столь важнаго факта, совершившагося въ Брестѣ, скажемъ словами Кояловича:

«На соборъ запрещено являться лютеранамъ и никто изъ вельмож не долженъ былъ имѣть при себѣ вооруженной силы. По областямъ разосланы грамоты, чтобы никто не вмѣшивался въ дѣла, подлежащія духовной власти, чтобы не происходили нигдѣ мятежи и не предпринимались ни тайныя, ни явныя мѣры противъ митрополита.

«Никогда въ западно-Русской церкви не было собора, который представлялъ бы собою такую торжественность и величие, какъ соборъ 1596 года, въ Брестѣ Литовскомъ. На этотъ соборъ прибыли: Никифоръ Экзархъ константинопольского патріарха въ Литвѣ и во всемъ константинопольскомъ патріархатѣ, человѣкъ извѣстный многимъ даже латинянамъ своею ученостію и сильными связями въ Константинополь; Кирилль Лукарисъ — экзархъ александрийского патріарха; западно-Русскій митрополитъ Михаилъ съ семью епископами; Лука митрополитъ велиградскій; два архимандрита съ Святой горы Макарій и Матеїй, множество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ западно-Русской церкви; далѣе князь Острожскій съ сыномъ, воеводою Волынскимъ и многочисленною свитою, послы отъ всѣхъ областей, и множество людей всякихъ чина и званія. Представителями латинянъ были: главнѣйшиe двигатели уніi: луцкій епископъ Бернардъ Мацѣевскій съ іезуитами, Станиславъ Гомолинскій, епископъ хелмскій; потомъ гетманъ литовскій князь Николай Радзивиллъ, канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и подскарабій литовскій Димитрій Халецкій, тоже со свитами. Всѣ сѣхъ хавшиеся на соборъ, немедленно раздѣлились на двѣ половины. Латиняне соединились съ будущими уніятами, Польцемъ и другими епископами, неотказавшимися отъ уніi и взяли чуть-ли не подъ стражу Михаила Рогозу. Патріаршіе экзархи и другіе представители Восточной церкви соединились съ двумя западно-Русскими епископами Гедеономъ львовскимъ, Михаиломъ перемышльскимъ, князьями Острожскими, послами областными; къ нимъ присоединились почти всѣ духовные и мірскіе представители православной западно-Русской церкви. Обѣ половины представили собою грозное ополченіе; шатры и пушки покрывали окрестности Бреста, и когда обѣ стороны измѣрили взаимные силы, то перевѣсь на сторонѣ православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ уніатскую половину и она обратилась съ тревожными вопросами къ князю Острожскому. Но благородный, благочестивый князь увѣрилъ ее, что спокойствіе не будетъ нарушено и мы думаемъ, что

слово князя было выражениемъ мыслей большинства православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла.» и далъ «Но сей часъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе не нарушать спокойствія подало поводъ противной сторонѣ устроить противъ нихъ козни. Митрополита не пускали къ нимъ и укрывали отъ всѣхъ поисковъ. Православные узнали, что его даже окружаетъ военная сила. Мало того, они узнали, что Понѣй, какъ мѣстный епископъ, приказалъ запереть всѣ церкви, чтобы лишить соборъ православный приличного мѣста и будущія его дѣйствія церковнаго освященія. Связанные благороднымъ словомъ князя они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найти въ Брестѣ по обширнѣю. Такой домъ предложили протестанты. Православные раздѣлились на двѣ половины, духовную и мірскую, установили порядокъ заѣданій въ обѣихъ половинахъ, и освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу.»

Не признавъ унії, низложивъ съ каѳедръ митрополита и виновныхъ епископовъ и составивъ противъ ихъ и унії протестъ, православный соборъ отправилъ къ королю пословъ съ просьбою назначить имъ новыхъ іерарховъ. Между тѣмъ уніаты, окруживъ себя военною силою и допустивъ въ члены собора иновѣрцевъ латинянъ въ каѳедральной церкви св. Николая провозгласили унію. Такимъ образомъ общій съѣздъ, собравшійся въ Брестѣ для разсужденій въ дѣлахъ вѣры, какъ предполагалось въ универсалахъ короля и въ грамотѣ митрополита, недостигъ своей цѣли; онъ раздѣлился на двѣ половины православную и латинскую, которые остались еще болѣе враждебными, и каждая по своему рѣшала дѣло унії (Кояловичъ). Рѣшить вопросъ предоставлено будущему времени. Всѣ земскіе послы и представители западно-Русской церкви торжественно объявили не законность унії. Вопросъ обѣи рѣшали столѣтія, пока не пала Польша и Іезуиты.

Религіозныя смуты, войны внутреннія (конфедератовъ) и вѣшнія, беспрестанныя пожары, моровая язвы и разстройство администраціи характеризуютъ исторію Литвы, соединенной съ Польшею въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ; съ послѣднею искрою Ягеллоновъ угасла самостоятельность Литвы, осужденной силою обстоятельствъ чернать у своей сосѣдки одни внутреннія смуты и раздоры.

Появленіе въ Литвѣ іезуитовъ, устроившихъ унію, повело за собою сильное распространеніе въ Литвѣ католического духовенства, умноженіе церквей, надѣляемыхъ богатыми фундушами, упадокъ православія, замѣна литовско-русскихъ учрежденій польскими. Сильное распространеніе латинства въ Литвѣ при Сигизмундѣ, который проливалъ

кровь литовцо-русскихъ изъ за своихъ личныхъ видовъ за шведскую корону, отразилось въ Брестѣ появленіемъ множества монастырей, разныхъ католическихъ орденовъ и обѣденіемъ жителей черезъ контрибуціи, налагаемыя возстававшими войсками. Въ началѣ XVI вѣка въ Брестѣ появились бернардины, которымъ для постройки монастыря, Сигизмундъ въ 1609 году назначилъ вспомоществованіе въ 500 злотыхъ, а Левъ Сапѣга богатый фундушъ. Тотъ же Сапѣга построилъ каменное зданіе для помѣщенія іезуитской коллегіи и школы и подарила іезуитамъ имѣніе *Деревну*; за бернардинами и іезуитами вскорѣ появились въ Брестѣ тринитары (*Trunitarze*). Въ 1629 году, т. е. спустя съ небольшимъ тридцать лѣтъ, при содѣйствіи Генриха Енельского, воздвигнутъ въ Брестѣ базильянскій монастырь Петра и Павла; въ 1659 году явились бернардинки, содержавшія при бернардинскомъ костелѣ Богадѣльню; Александръ Гонсѣвскій, вскорѣ за бернардинками призвалъ бригидокъ; въ 1630 году, появились доминиканы, надѣленные Софіей Быховецкой.

Распространеніе латинства и унії здѣсь шло съ такимъ успѣхомъ, что въ исходѣ XVIII столѣтія въ Брестѣ существовало семь католическихъ орденовъ: августіановъ, бернардиновъ, бернадинокъ, іезуитовъ, тринитаровъ, бригидокъ и доминикановъ, уніятскій монастырь базильяновъ, три уніятскія церкви—соборная св. Николая, Свято-Троицкая и св. Михаила и только одинъ православный Спасскій монастырь. Католические ордена помѣщались въ обширныхъ зданіяхъ и располагали богатыми фундушами и землями. Всѣ эти монастыри были уничтожены при постройкѣ Брестѣ Литовской крѣпости.

Мы видѣли какое значеніе имѣлъ Брестъ въ XVI столѣтіи. Мѣща, платившіе 50 коп. литовскихъ грошей и высталившіе 150 лошадей на военные потребности (по уставу Сигизмунда I), славились богатствомъ и зажиточностью. Кромѣ замка и каменного города, Брестъ украсился дворцомъ съ обширнымъ паркомъ и множествомъ каменныхъ церквей и монастырей. Пользуясь значеніемъ главнаго города воеводства своего имени и укрѣпленнаго пункта, Брестъ былъ мѣстомъ пребыванія воеводы, кастеляна (коменданта), старости и собраній шляхты для выборовъ въ депутаты на общіе сеймы. Здѣсь часто пребывалъ и епископъ Туровскій. Такимъ застало Брестъ XVII столѣтіе—вѣкъ страшныхъ бурь и всеобщей неурядицы въ Польшѣ, вѣкъ страшныхъ гоненій и преслѣдований, смутное время Литовскаго государства, въ которое и Бресту, подобно многимъ городамъ суждено было низойти на степень весьма незначительного города. Уже въ началѣ XVII столѣтія въ городѣ замѣтно сильное разложение: пожары и войны 1605 и 1612,

пожаръ 1613 года и контрибуціи начальниковъ востававшихъ войскъ (конфедератовъ) довели жителей до такого бѣдственаго состоянія, что въ 1614 году разрѣшено мѣщанамъ собирать въ городскую казну подати (мыто) по грошу литовскому съ бочки солода и по одному полѣну съ воза дровъ.

Однако цвѣтущее состояніе города, одного изъ самыхъ населенныхъ въ соединенныхъ государствахъ, продолжается еще лѣтъ 40, т. е. до смутной эпохи, когда литовская Русь вовлечена была въ войны виѣшнія и много потерпѣла отъ внутреннихъ раздоровъ.

Въ 1653 году 24 марта, передъ наступленіемъ катастрофы, въ Брестѣ подъ предсѣдательствомъ литовскаго хорунжаго Христофора Паца былъ военный совѣтъ, касательно способовъ и средствъ къ войнѣ съ виѣшними врагами. Въ 1657 году шведы подъ предводительствомъ седьмоградскаго воеводы Князя Ракоцція овладѣли Брестскимъ замкомъ, въ которомъ находилось 400 человѣкъ гарнизона одной пѣхоты, безъ артиллериі; Шведы предавались насилию и страшному грабежу; опустошивъ городъ, Ракоццій назначилъ комендантомъ замка Бокола и отправился съ войскомъ въ Варшаву.

По окончаніи войны съ шведскимъ королемъ Брестъ медленно поднимается изъ упадка; одна только торговля, благодаря судоходству по Бугу, обозначала въ немъ признаки жизни и нѣкотораго рода дѣятельности. Надобно было подумать о существенныхъ потребностяхъ, найти средства для оказанія помощи обѣднѣвшимъ жителямъ. Въ 1661 году сеймъ дозволилъ городу управлять вымороченными домами и имѣніями, въ теченіе 3 лѣтъ, когда должно было послѣдовать новое распоряженіе, съ подтвержденіемъ прежнихъ льготъ; указаны средства къ погашенію долговъ, вызванныхъ потребностями военнымп; разрѣшено строить новые дома, на мѣстахъ сгорѣвшихъ, и установлена новая подать на городскихъ обывателей всѣхъ состояній, владѣвшихъ какою бы то ни было собственностью. Въ тоже время укрѣпленія возобновлены и приведены въ лучшее состояніе, но оставлены не вооруженными; въ замкѣ всѣ зданія приспособлены къ жительству.

Междутѣмъ беспорядки въ Польшѣ не прекращались и по смерти Іоанна Казимира. До избранія нового короля, хорунжій в. к. литовскаго Огинскій заперся въ Брестѣ съ войсками своей партии; противникъ его гетманъ в. к. литовскаго Казимиръ Салѣга обложилъ Брестъ и разными обѣщаніями успѣлъ усмирить недовольныхъ солдатъ, которымъ было тотчасъ роздана половина слѣдовавшаго имъ жалованья.

Въ началѣ XVIII столѣтія послѣдовала сѣверная война. Въ 1706 году Карлъ XII, перейдя Бугъ, отрядилъ для занятія Бреста 4 полка

подъ командою генерала Мерфельда. Мерфельдъ склонилъ мѣстную шляхту на сторону Станислава Лещинскаго (Addereld, 605) и усилилъ свой отрядъ литовскимъ войскомъ, приведеннымъ сюда Сапѣгою въ числѣ 5,000 человѣкъ. По смерти Августа III начались смутенія въ Литвѣ и Польшѣ по поводу гоненій на диссидентовъ, которыхъ конвентіонный сеймъ (1733) отрѣшилъ отъ всѣхъ мѣстъ, званій, должностей и старостствъ. Со вступленіемъ на престолъ Понятовскаго православные жители обратились къ защитѣ русскаго двора, а реформаторы къ прусскому. Католические магнаты, подстрекаемые духовенствомъ въ 1764 году составили конфедерациі для защиты, господствующей вѣры противъ иностранцевъ. Вскорѣ литовско-польское государство покрылось конфедерациями недовольныхъ и Брестъ нѣкоторое время (1769) былъ занятъ одними изъ главныхъ предводителей барской конфедерации Казимиромъ и Францискомъ Пулавскими, которые намѣревались перенести свое оружіе въ Литву. Но побѣды Суворова, Салтыкова, Кречетникова, князя Голицына и графа Тотлебена смирили конфедератовъ. Конфедерация уничтожена и въ 1772 году совершилъ первый раздѣлъ Польши¹⁾. Во время войнъ съ барскими конфедератами, Суворовъ, приводительствуя авангардамъ Нуммерса за Брестомъ у деревни Орѣховой (на югъ въ 80 верстахъ) послѣ упорной свалки разбилъ маршала Котлубовскаго, спѣшившаго въ Варшаву, потомъ занялъ Люблинъ и нанесъ пораженіе Мошинскому²⁾. Въ послѣднюю (тарговицкую) конференцію, въ 1792 году, въ Брестѣ происходили неоднократныя совѣщанія конфедератовъ, перенесенные впослѣдствіи въ Гродно, где былъ послѣдній сеймъ. Въ послѣдовавшую за тѣмъ конфедератскую войну Россіи съ Польшею, Брестъ приобрѣлъ значеніе по военнымъ дѣйствіямъ, происходившимъ въ его окрестностяхъ. Вытѣснивъ изъ Крупчицѣ корпусъ Сѣраковскаго, который, отступивъ къ Бресту и Тересполю (въ 4 верстахъ), намѣренъ былъ идти къ Баршавѣ, куда уже отправилъ часть обозовъ, Суворовъ рѣшился въ ту же ночь переправиться черезъ Бугъ выше Бреста и нанесъ совершенное пораженіе полякамъ. Одержавъ побѣду, Суворовъ занялъ Брестъ двумя баталіонами, а остальными расположился лагеремъ передъ городомъ³⁾.

По послѣднему раздѣлу Польши Брестъ возвращенъ къ Россіи, а въ 1802 году поступилъ на степень уѣзднаго города Гродненской губерніи.

¹⁾ Конфедерациі и конфедераты В. Э. Л. общества военныхъ и литераторовъ, 1855 г. изданіе второе т. VII, стр. 363—376. Star. Pols. Балинскаго и Липинскаго III, 735.

²⁾ В. Э. Л. VII, стр. 374.

³⁾ В. Э. Л. IV, стр. 487 и 488.

Въ отечественную войну въ окрестностяхъ Бреста происходили второстепенные дѣйствія сперва Тормасова противъ Ренье, а потомъ адмирала Чичагова противъ Шварценберга ¹⁾.

IV.

Утративъ свое политическое значение, вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ конфедератовъ и всеобщаго упадка горожанъ въ послѣднее время существованія Польши, *Брестъ* однако сохранилъ довольно выгодное значеніе въ торговлѣ и со времени устройства крѣпости пріобрѣлъ особенную военную извѣстность.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Брестѣ было: 14 храмовъ разныхъ вѣроисповѣданій, въ томъ числѣ три каменныхъ, и 2 еврейскія синагоги; 463 дома, изъ нихъ 17 каменныхъ, и до 6,000 жителей. На десять домовъ приходилось 77,3 христіанъ и 50,5 евреевъ, составлявшихъ до 40% общаго населенія, или *на трехъ христіанъ было два еврея*. Вся торговля была въ рукахъ евреевъ, которые, скупая въ окрестностяхъ сырья произведенія, сплавляли свои товары на большихъ баркахъ по Бугу и Вислѣ до Данцига; изъ Данцига же и Варшавы обратно бичевкою привозили сюда разныя матеріи, сукна, москательные и колоніальные товары. Ярмарка была 24 июня. Образованіемъ юношества занималось католическое и уніятское (базильяны) духовенство; въ приходскомъ училищѣ, бывшемъ на иждевеніи костела, училось 19 мальчиковъ ²⁾, а у базильянъ, въ такъ называемомъ брестскомъ уѣздномъ училище (1815 г.) — 218 учениковъ.

Передъ сооруженіемъ крѣпости въ Брестѣ въ 1835 г. существовалъ греко-российскій заштатный монастырь св. Симеона и шесть монастырей католическихъ; всего 12 приходскихъ и монастырскихъ церквей. Домовъ было 726, въ томъ числѣ 51 каменный, одно учебное свѣтское заведеніе съ 150 учениковъ, больница, 3 богадельни, 160 лавокъ, 3 трактира и 120 питейныхъ домовъ. Жителей 9,500 душъ, на 10 домовъ 130 душъ. Мѣщанъ мужескаго пола считалось 3,842, или 80% мужескаго населенія, и 132 купца. Большую часть мѣщанъ и купцовъ составляли евреи. Ярмарка Никольская (9 мая) и Десятиуха (на 10 недѣль послѣ пасхи) были незначительны; на нихъ привозились хлѣбъ, ленъ, льняное масло, сырья кожи, овчины, пенька, щетина и прочія произведенія уѣзда; эти произведенія купцами отправлялись водою въ

¹⁾ В. Э. Л. Отечественная война 57—121.

²⁾ Statystyka Gubernii Litewsko-Grodzieńskię, Lachnickago, 1817 года, стр. 3.

Данцигъ. Годовой оборот брестской торговли простирался до полумиллиона руб. Мѣщане евреи промышляли свойственною имъ мелочною торговлею и отчасти ремеслами и содержали питейные дома и корчмы *). Такимъ образомъ спустя 20 лѣтъ (1815 — 1835), Брестъ возвысился какъ по числу домовъ, такъ и по населенію на 58%; а число каменныхъ домовъ даже утроилось. Съ умноженіемъ населенія и распространениемъ города расплодилась и торговля, несмотря на то, что единственный и выгодный путь для сбыта и привоза произведеній по р. Бугу и Вислѣ до Данцига сопряженъ съ значительными трудностями и большою потерей времени.

Географическое положеніе, весьма выгодное въ стратегическомъ отношеніи, съ самыхъ давнихъ временъ обращало вниманіе людей военныхъ на г. Брестъ. За городомъ на правомъ берегу Буга находится множество кургановъ, между которыми одинъ замѣтилъ другихъ возвышень. Это памятники древнихъ славянъ. Шведскіе короли Густавъ и Карлъ XII, сознавая важность этого пункта, обратили на Брестъ особенное вниманіе; Густавъ приказалъ даже составить новый планъ укрѣплений, помѣщенный въ сочиненіи Пуффендорфа: «De rebus gesti Karoli Gustavi.» О стратегической важности Бреста-Литовского упоминаетъ въ своихъ запискахъ и маршаль де-Саксъ, известный французскій полководецъ временъ Людовика XV. Въ отечественную войну и въ войну 1831 года окончательно убѣдились что, для охраненія западнаго пограничнаго пространства, въ особенности для прикрытия Полѣсся, отъ которого на сѣверъ и югъ въ иѣкоторомъ разстояніи тянутся широкія болотистыя полосы лѣсовъ, Брест-Литовскій есть самый удобный пунктъ къ сооруженію крѣпости, къ чему также не мало способствовала и мѣстность при слияніи Мухавца съ Бугомъ.

Къ постройкѣ Брест-Литовской крѣпости приступили 6 июня 1833 года. Возведеніе крѣпости, вырытіе рвовъ, насыпка крѣпостныхъ валовъ, гласисовъ и береговыхъ плотинъ и прочія земляныя работы по 1840 г. производились строевыми войсками (дивизіей пѣхоты, одной саперной бригады и 2 военно-рабочими ротами), а постройка оборонительныхъ зданій и жилыхъ строеній съ хозяйственными помѣщеніями съ 1840 года производится вольно-наемными рабочими по подряду. Всего по 1860 г. на всѣ постройки по сооруженію крѣпости употреблено 5.067,961 руб. 30 коп. Крѣпость, состоящая изъ цитадели и трехъ укрѣплений кобринскаго, волынскаго и тереспольскаго, находится на мѣстѣ древняго города

*) Энциклопедіческій лексиконъ 1836 г. VII, стр. 74.

Бреста, новый же городъ въ видѣ форштата, выстроенъ весь изъ дерева въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ на сѣверо-востокъ отъ крѣпости¹⁾.

б) Нынѣшнее состояніе города Бреста.

Городъ Брестъ-Литовскій, состоящій изъ кобринскаго и волынскаго форштатовъ, расположенныхъ по обѣимъ берегамъ р. Мухавца, и крѣпости, при впаденіи сей рѣки въ р. Западный Бугъ, находится подъ $52^{\circ}, 4', 46''$ сѣвер. шир. и $21^{\circ}, 19', 7''$ вост. долготы отъ Парижа, или $-6^{\circ}, 40', 9''$ отъ пулковской обсерваторіи²⁾, на Московско-Варшавскомъ и Брестско-Кievскомъ шоссе; продолженіемъ послѣдняго на сѣверъ служить большая почтовая дорога въ Бѣлостокъ. Для сообщенія частей крѣпости и форштатовъ служатъ мости: желѣзный висячій, каменный и девятнадцать деревянныхъ; 225 улицъ и переулковъ, въ числѣ которыхъ 5 мощеныхъ камнемъ и шесть немощеныхъ площадей.

Въ городской чертѣ съ форштатами заключается 16 квад. верстъ и 10,630 квадратныхъ саженей.

Въ томъ числѣ. пахатной	730	дес.	1,815	квад. саж.
застроенной подъ укрѣпленіями . . .	431	>	500	>
* * форштатами	149	>	2,360	>
незастроенной	636	>	2,296	>
посадами	790	>	>	>
спорной	236	>	1,371	>

Садовъ публичныхъ два: одинъ внутри крѣпости, а другой при кобринскомъ форштатѣ, и частныхъ 170; огородовъ 219.

Вообще устройство города не препятствуетъ свободному теченію воздуха; воды онъ имѣетъ достаточно, ибо кромѣ р. Мухавца на форштатахъ есть 238 колодцевъ. Къ восточной части города примыкаетъ довольно низменное пространство, постоянно залитое водою.

Зданія. Церквей православныхъ двѣ. Соборная церковь помѣщается въ крѣпости, въ зданіи бывшаго монастыря базильяновъ и другая неоконченная также въ крѣпости, сверхъ того одна деревянная часовня. Послѣдователи римско-католическаго вѣроисповѣданія имѣютъ на кобринскомъ форштатѣ одну каменную — по-доминиканскую церковь и одну

¹⁾ О Брестѣ-Литовскѣ Михаилъ Каминскій въ 1847 г. написалъ весьма интересныя замѣтки. Къ сожалѣнію мы ихъ не могли достать.

²⁾ Исчислѣніе Теннера по башнѣ костела Бернардиновъ, Записки воен. топограф. депо.

деревянную часовню. Лютеране—каменный молитвенный домъ, а евреи каменную синагогу и 16 деревянныхъ молитвенныхъ домовъ *).

Домовъ—55 каменныхъ и 757 деревянныхъ (приложение I. а). Наибольшее число домовъ принадлежитъ мѣщанамъ, цеховымъ и ихъ женамъ—всего 79%, казенныхъ домовъ только 17 каменныхъ, общественныхъ 13, духовныхъ 4—остальные дома распределены между купцами, чиновниками, дворянами, солдатками и ямщиками.

Домовъ населенныхъ, вмѣщающихъ отъ 5 до 10 душъ—217; отъ 10 до 30—381, отъ 30 до 60—119; въ остальныхъ домахъ живетъ болѣе 60 душъ въ каждомъ, и во всемъ городѣ находится только два дома, съ населеніемъ болѣе 100 душъ.

Застрахованныхъ домовъ въ разныхъ обществахъ 2 каменныхъ и 27 деревянныхъ, кои оцѣнены въ 67,712 руб. сер., не считая движимаго имущества (приложение I. б.).

Въ гостинномъ дворѣ, расположенному на площади, помѣщается 178 лавокъ, остальная 124—въ частныхъ домахъ.

Сверхъ того въ Брестѣ находятся: трактиръ, реставрація, кондиторская, 78 харчевень, 8 ренскихъ погребовъ, 17 штофныхъ лавокъ, 10 водочныхъ магазиновъ, 10 ведерныхъ лавокъ, 17 питейныхъ домовъ, 21 постоянный домъ и скотобойня, а всѣхъ промышленно-торговыхъ заведений и лавокъ 462. Стало быть десять такихъ заведеній приходится на 18 домовъ, десять харчевень на 93 и одинъ постоянный дворъ на 40 домовъ.

Число домовъ, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ, замѣтно возрастаетъ съ каждымъ годомъ:

Въ 1817 году въ Брестѣ Ляхницкій считалъ 1	кам.	и 446 дер.
» 1843	показано въ отчетахъ . . .	52 » 572 »
» 1857	» » » . . .	51 » 736 »
» 1860	» » » . . .	55 » 757 »

Стало быть—въ 43 года, не смотря на совершиенную перестройку города, вслѣдствіе сооруженія крѣпости, число домовъ возрасло на 75%; въ томъ числѣ каменныхъ увеличилось въ три раза; въ послѣдніе три года новыхъ домовъ построено 24 каменныхъ и 21 деревянный. Пустопорожнихъ мѣстъ, опредѣленныхъ для постройки домовъ, имѣется еще на кобринскомъ форштатѣ 397, а на волынскомъ 83.

* На Кобринскомъ форштатѣ съ давнихъ временъ предположено построить православную каменную церковь.

Число жителей. Въ г. Брестѣ по отчетамъ полиціи показано:

Въ 1857 году 11,513 муж. 7,225 жен. 18,738 обоихъ половъ
» 1860 » 11,764 » 7,578 » 19,342 »

По исключеніи регулярныхъ войскъ, и вообще лицъ военнаго вѣдомства, подверженныхъ большимъ колебаніямъ, получимъ:

для 1857 года 12,719 обоихъ половъ
» 1860 » 14,770 » } + 2,051

Стало быть въ послѣднее время народонаселеніе Бреста возрасло на 16%, а въ 43 года увеличилось почти въ два съ половиной раза, т. е. въ каждый годъ среднимъ числомъ прибывало на 6%, а въ послѣдніе три года по 5%.

Наибольшее возрастаніе произошло въ еврейскомъ населеніи, которое въ сорокъ лѣтъ увеличилось въ пять разъ съ половиною. У Ляхницкаго въ 1817 году евреевъ 2,343 обо. пол. Полиція въ 1860 году показываетъ 12,926-ть обо. пол. Въ каждый годъ среднимъ числомъ прибывало по — 14%.

Возрастаніе громадное, особенно если принять въ соображеніе затрудненія, встрѣчаемыя при сбираніи свѣдѣній о евреяхъ (приложеніе 2).

Сорокъ лѣтъ тому назадъ евреи составляли около $\frac{2}{5}$ населенія; нынѣ (въ 1857 году), принимая въ расчетъ регулярныя войска, они составляютъ 68%, т. е. пропорція евреевъ увеличилась на 28%; еще большая разница произошла въ числительности сравнительно съ христіанами: православныхъ теперь считается 20%.

католиковъ	»	»	9
лютеранъ	»	»	3

На одного лютеранина три католика, семь православныхъ и двадцать три еврея.

Собственно городскаго сословія — купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ — въ 1857 году считалось 5,405 муж., 6,152 жен., 11,557 об. половъ, а это составитъ болѣе 6% всего населенія вмѣстѣ съ военными; купеческаго сословія 155 муж., 143 жен. пола, на одного купца — тридцать пять мѣщанъ, на каждые 10 домовъ приходится болѣе 170 душъ, не считая военныхъ, — а съ военными болѣе 230; собственно же евреевъ на то же число домовъ приходится болѣе 175.

Вышеприведенные цифры показываютъ, что народонаселеніе Бреста съ небольшимъ въ сороколѣтній промежутокъ возрастило ежегодно

на 6%. Увеличение произошло отъ притока новыхъ силъ, ибо отъ перевѣса рождаемости надъ смертностю годовое приращеніе не составляетъ и одного процента.

	Въ 1857 году.	Въ 1860 году.
Родилось	614,(3 ₂ %)	583 — (3, %)
Умерло	454,(2 ₄ «)	578 — (2, ₉₇ «)
Сочеталось бракомъ	230,—	181 — —

Стало быть возрастаніе отъ естественной причины въ эти два года составляетъ отъ 0,8% до 0,03%, а въ бракъ вступаетъ пятьдесятъ третій или сороковой каждаго пола, — наибольшее число браковъ заключается между евреями. Мальчиковъ рождается значительно болѣе чѣмъ дѣвочекъ. Перевѣсъ мальчиковъ надъ дѣвочками въ 1857 году составлялъ 22%, а въ 1860 — 54%. Перевѣсъ умершихъ мужчинъ надъ умершими женщинами въ 1857 году — 31%, въ 1860 только 10%. На десять незаконныхъ рожденій приходится 87 законныхъ; незаконныхъ мальчиковъ рождается въ два раза болѣе чѣмъ незаконныхъ дѣвушекъ (приложение 2).

Наибольшее число рожденій было въ январѣ и февралѣ: по 71 въ каждый мѣсяцъ; наименьшее же ихъ бываетъ въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ: по 37 или 38. Смертность наибольшая бываетъ въ октябрѣ и марта, свыше 60 человѣкъ, наименьшая въ юнѣ около 30.

Главное занятіе городскихъ сословій составляетъ торговля — между нѣкоторыми купцами оптовая по подрядамъ и поставкамъ для коммисариатской комиссіи, а между мѣщанами, въ особенности евреями, мелочная и въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ, въ особенности питейныхъ. Нѣкоторые изъ мѣщанъ христіанъ занимаются хлѣбопашествомъ, какъ главнымъ источникомъ существованія; ремесленная дѣятельность далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Недостатокъ духа предпріимчивости въ дѣлахъ, требующихъ добросовѣстнаго труда, обусловливаетъ всѣ промышленныя сдѣлки городского сословія и преимущественно еврейскаго населения — весьма многочисленнаго и бѣднаго.

Особенную важность Брестъ приобрѣаетъ въ торговлѣ по своему положенію, какъ важнѣйшая пристань на р. Мухавцѣ, соединяющей посредствомъ канала систему Днѣпра съ системою Вислы.

Въ 1857 году — грузилось — 160 берлинъ, 74 барки, 72 галарь, 1 полубарка, 18 лодокъ, 492 плот., на сумму 928,004 рублей.

Въ 1857 году — разгрузил. — 55 берлинъ, 111 бар., 2 полубарк., 51 лодка, 134 плот., на сумму — 987,817 р.

Въ 1857 году — прош. мимо — 60 берлинъ, 8 бар., 1 полубар., 4 лодки, 214 плотовъ, на сумму — 416,617 рублей.

Главный продуктъ составляетъ хлѣбъ, скупаемый въ осенне время въ сосѣднихъ губерніяхъ, и сплавляемый въ Брестъ по рр. Западному Бугу и Мухавцу. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ такимъ путемъ привозится ежегодно 120,000 четвертей хлѣба на сумму до 600,000 руб. сереб. Изъ этого количества около половины остается (45%) въ городѣ для потребленія жителей и квартирующихъ войскъ, остальное количество раскупается смѣжными жителями царства Польскаго или отправляется за границу. Желѣзо также принадлежитъ къ весьма дѣятельной отрасли торговли: оптовой между тремя купцами и мелочной между осмью торговцами, имѣющими лавки. Большая часть этого товара получается изъ Варшавы — польскаго и иностранного издѣлія; изъ Киева и Москвы, въ незначительномъ количествѣ, доставляется листовое желѣзо, сталь, топоры, чугунные котлы, подковы, лопаты и вообще такъ называемый русскій товаръ, количество котораго по раздробительности въ продажѣ нельзѧ опредѣлить въ точности; изъ Варшавы же привозится до 40,000 пудовъ, на сумму до 100,000 рублей серебромъ. До 45% этого количества продается въ самомъ городѣ, остальное сбываются частями въ разныхъ мѣстахъ Гродненской, Волынской и Минской губерній. Подробная свѣдѣнія объ этомъ предметѣ мы отнесли къ статьѣ о торговлѣ; здѣсь скажемъ только, что уничтоженіемъ пограничныхъ таможень — не только усилился привозъ желѣзного товара, но самый товаръ этотъ сдѣлался дешевле. Пудъ желѣза въ оптовой продажѣ цѣнится отъ 1 р. 40 коп. до 1 р. 20 коп., — а въ мелочной на 5% или 15% болѣе.

На двухъ существующихъ ярмаркахъ Николаевской (9 мая) и Десятыхъ (10 пятница по Пасхѣ) крестьяне продаютъ мелочныя вещи и сѣйстные припасы, а покупаютъ преимущественно хозяйственныя снаряды — серпы и косы по 35 коп., топоры 30 и 20 коп., а русскіе по 75 коп. и проч. Всего привозится на 12,250 р., продается на 8,000 р. Для города несравнено важнѣе постоянная торговля въ лавкахъ, въ которыхъ, по приблизительному исчислению, въ данное время находится краснаго товара на 100,000 руб., хлѣба на 10,000 руб., желѣза на 10,000 руб., а всѣхъ вообще товаровъ на 120,000 руб., — годовой оборотъ таковыхъ лавокъ можетъ простираться въ годъ на сумму превышающую 300,000 р. Стало быть на каждую изъ 302 лавокъ приходо-

дится до тысячи рублей оборота. Фабричная и заводская деятельность ограничивается производствомъ сигаръ, свѣчей, мыла, выдѣлкою кожъ и пива.

На 4 табачныхъ фабрикахъ въ 1857 году приготовлено табаку на	3,251 руб. 50 коп.
На 2 мыловарняхъ мыла на	5,700 >
» 1 кожевенномъ заводѣ кожъ на	1,000 >
» 7 свѣчныхъ заводахъ свѣчей »	6,770 >
» 5 пивныхъ броварахъ пива »	1,211 >

Въ этихъ заводахъ 40 человѣкъ рабочихъ, приготвляется издѣлій на 17,932 руб. 50 коп.; обработанныя издѣлія продаются тамъ же гдѣ покупаются сырье материаы, т. е. въ Брестѣ и его окрестностяхъ; табакъ же привозится изъ Бердичева ¹⁾.

Въ такой же слабой степени развиты ремесла. Мастеровыхъ, рабочихъ и учениковъ въ 1857 году полиція считала 1,188 человѣкъ, т. е. 13% общаго населенія мужескаго пола; или 22% относительно городскихъ сословій.

Приготвляющихъ предметы пищи	103
» » одежды	447
» » домохозяйства	340
и прочихъ ремесленниковъ	288

Въ томъ числѣ хлѣбопековъ 42, булочниковъ 38, мясниковъ 24, портныхъ 277, сапожниковъ 184 и другихъ ремесленниковъ, необходимыхъ для удовлетворенія обыденныхъ потребностей городскихъ жителей. Лицъ, занимающихся изготавленіемъ предметовъ роскоши, Брестъ имѣть достаточное число: 7 модистокъ, 16 золото - серебрянныхъ дѣль мастеровъ, 3 фортепіанные мастера и проч. ²⁾.

Всѣми ремеслами почти исключительно занимаются евреи, а мѣщане христіане большою частію обращаются къ земледѣлью, которое едва вознаграждаетъ ихъ труды на обработку земли посредственаго качества ³⁾.

¹⁾ Въ 1860 году — мыловарень 3, на нихъ мастеровъ и рабочихъ 7, свѣчныхъ заводовъ 8, рабочихъ 10, пивныхъ броваровъ 6, рабочихъ 16, кожевенныхъ заводовъ 1, рабочихъ 2, табачныхъ фабрикъ 5, рабочихъ 13 — всего заводовъ 18 и фабрикъ 5 съ 48 рабочими. Отчетъ городничаго.

²⁾ Въ 1860 году ремесленниковъ полиція показываетъ 1,013 человѣкъ, т. е. на 17% менѣе противу цифры 1857 года.

³⁾ Въ 1859 году, собрано 450 четвертей ржи, 420 четвертей овса, ячменя, гороху и проч. всего 750 четвертей картофеля, 20,000 пудовъ сена и 4,000 пудовъ соломы. Донесеніе полиціи.

Скота жители г. Бреста содержать весьма ограниченное количество, не болѣе полуторы тысячи головъ крупной и мелкой породъ, — въ томъ числѣ рогатаго скота до 250. На сто жителей приходится до 9 головъ; а на 10 домовъ — до 18 головъ скота крупнаго и мелкаго *).

Разныя общественные заведенія — учебныя, благотворительныя и исправительныя.

Хотя народное просвѣщеніе подробно изслѣдовано въ особомъ отдѣлѣ нашего труда, однако нeliшнимъ будетъ упомянуть здѣсь по крайней мѣрѣ о существующихъ въ Брестѣ заведеніяхъ и числѣ учащихся.

Въ 1857 г. 1) *Уездное дворянское училище* и при немъ 2) *приготовительный классъ* въ обоихъ на лицо 72 ученика; 3) *частный дѣвичий пансионъ* — 16-ть дѣвочекъ и 4) *еврейское училище 1-го разряда* — 14 учениковъ, всего 103 учащихся. Число учащихся въ послѣднее время стало увеличиваться; потребность образованія дѣвицъ выразилась въ замѣтномъ возрастаніи ученицъ частнаго пансиона и открытіи частнаго еврейскаго училища, — въ числѣ 155 учащихся въ 5 заведеніяхъ въ 1860 году находимъ 67 дѣвочекъ, т. е. на 100 мальчиковъ 43 дѣвочки.

Кромѣ библіотеки при дворянскомъ училищѣ, въ коей находится болѣе полуторы тысячи книгъ, другихъ учрежденій, опредѣляющихъ степень развитія просвѣщенія не находится въ Брестѣ; впрочемъ въ 1859 году еврей Шерешевскій открылъ изрядную типографію.

Въ благотворителіномъ домѣ устроенному по образцу гродненскаго — въ 1859 году призрѣвалось 7 мужчинъ и 35 женщинъ; и сверхъ того въ особомъ дѣтскомъ отдѣленіи 20 дѣвочекъ. Домъ съ пріютомъ содержитъ изъ процентовъ капитала, составленного изъ пожертвованій частныхъ лицъ и подкрѣпляемаго опекунскимъ совѣтомъ. Въ еврейской богадѣльнѣ, — служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и лазаретомъ, въ теченіи 1860 года поступило 286 евреевъ. Въ больницѣ на иждивеніи приказа общественнаго призрѣнія 130 челов., и въ больницахъ при тюремномъ замкѣ 5 мужчинъ и 4 женщины, — а во всѣхъ больницахъ 425 челов.

Нравственность горожанъ (примѣч. 3).

*) Впрочемъ въ показаніяхъ о числѣ скота въ источникахъ сильное противорѣчіе. Въ 1857 году по комитету въ Брестѣ считалось: 730 лошадей, 220 рогатаго скота, 85 овецъ, 530 свиней, 48 козъ — всего 1,613 головъ; въ 1860 году полиція намъ доставила вѣдомость совершенно несоответствующую таблицамъ комитета: лошадей 44, рогатаго скота 280, овецъ 96, свиней 420, козъ 50, всего 890. И странное дѣло — наибольшая разница выходитъ въ числѣ лошадей, самыхъ необходимыхъ въ хозяйствѣ и менѣе всего подверженныхъ колебаніямъ. Мы не понимаемъ отчего полиція на нашихъ вѣдомостяхъ показала лошадей въ двадцать разъ менѣе дѣйствительнаго ихъ числа.

Въ тюремномъ замкѣ, содержалось арестантовъ 74 мужчинъ и 10 женщинъ—всѣ изъ разныхъ мѣстъ и не одинъ не принадлежалъ городу. Въ числѣ арестантовъ половина содержалась за воровство, 19 за бродяжничество, остальные 6 человѣкъ за святотатство, подлогъ, корчевство, буйство, поддельку фальшивыхъ ассигнацій и двое за намѣреніе лишить себя жизни. Въ числѣ арестантовъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ было 60 человѣкъ, 11 недостигшихъ двадцатилѣтняго возраста и 13 выше 40 лѣтъ. Пересыloчныхъ было 802 человѣка. Полиція въ теченіе 1860 года задержала 467 мужчинъ и 44 женщины; офиціальный свѣдѣнія о провинившихся не могутъ вполнѣ выразить состоянія нравственности городскаго населенія; тѣмъ не менѣе однако изъ перечисленія проступковъ и отношенія ихъ къ общему населенію можно имѣть понятіе о значеніи проступковъ. Такъ, по числу задержанныхъ полиціей, мы находимъ одного виновнаго на 38 городскихъ жителей. Изъ числа 511 виновныхъ взято подъ арестъ около половины (246) за маловажные проступки, 139 за просрочку паспортовъ, 110 за пьянство и только 8 за воровство, 7 военныхъ дезертировъ и одинъ за корчевство. Наибольшее число пьяныхъ задержано въ январѣ, апрѣлѣ т. е. около Рождества и послѣ Пасхи. Женщинъ виновныхъ въ десять разъ менѣе чѣмъ мужчинъ. Одержаныхъ любострастною болѣзнью въ теченіи года освидѣтельствовано 70 женщинъ, а сколько скрывается такихъ женщинъ отъ наблюденія полиції?.... Всѣхъ арестантовъ при полиціи 114, содержащихся въ острогѣ 84 и пересыloчныхъ 802, всего 882 муж. и 118 жен., т. е. тысяча человѣкъ обоего пола. Изъ числа тысячи арестантовъ, обвинено болѣе половины (506) въ неимѣніи видовъ и просрочки оныхъ, 114 въ дурномъ поведеніи, пьянствѣ, буйствѣ, 291 въ маловажныхъ проступкахъ и 19 въ прошеніи милостыни. Собственно же важныхъ преступниковъ мы нашли не болѣе 70 человѣкъ.

Потребление. На продовольствіе жителей въ теченіи года употреблено:

Быковъ и коровъ	5,000 головъ
Барановъ	500 *
Телятъ	3,000 *

Въ быкѣ мяса 450 фунтовъ, въ коровѣ отъ 250 до 360 фунт., въ обоихъ среднимъ числомъ до 9 пуд. и въ теленкѣ и баранѣ до 40 фунтовъ. Стало быть жители Бреста потребили 53,500 пудовъ или болѣе двухъ миллионовъ фунтовъ (2.140,000 фун.), а каждый въ день съѣлъ по 0,33 около $\frac{1}{3}$ фунта мяса. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ жители употребили: пшеницы 8,000 четвертей, ржи 25,000, овса 15,000

гороху 3,000, ячменя 10,000 и гречихи 1,000. Полагая четверть въ 8 пудовъ, найдемъ, что годовой размѣръ потребленія зерноваго хлѣба составляетъ 19.820,000 фунтовъ. На человѣка въ день выходитъ нѣсколько менѣе трехъ фунтовъ (2,8), а въ годъ 3,2 четверти. Но изъ этого количества почти весь овесъ и значительная часть продуктовъ обращаются на кормъ животныхъ. За вычетомъ этихъ расходовъ на прокормленіе семейства въ 5 душъ, здѣсь потребляется ежедневно нѣсколько болѣе полутора фунтовъ (1,65 фун.) мяса и не болѣе 10 фунтовъ хлѣба въ разныхъ видахъ.

Дровъ привезено сухимъ путемъ 25,000 возовъ, а сплавомъ 15,000 саженъ, всего на отопленіе города употреблено до 25,000 саженъ. Значительная доля этихъ дровъ идетъ на отопленіе зданій крѣпости; собственно же на отопленіе городскихъ домовъ, поступаетъ до 16,000 саженъ, т. е. въ каждомъ домѣ сожигается около 20 саженъ. Вина хлѣбнаго трехъ-пробнаго ввезено въ городъ въ 1860 году 20,000 ведеръ и спирту 300 ведеръ; съ остатками отъ прежняго года, жителями выпито 23,000 ведеръ вина и 350 ведеръ спирта. Вино большею частію выпивается во время праздниковъ Рождества Христова и Пасхи, а также на двухъ ярмаркахъ. Капитализируя предметы потребленія, найдемъ, что содержаніе всѣхъ жителей г. Бреста, въ 1860 году, стоило до 556,830 руб., кромѣ вина, огородныхъ овощей, свѣчей и другихъ предметовъ потребленія.

Говядины съѣдено	53,500	пуд. на сумму	95,230	руб.
Ржи и пшеницы	33,000	четв. >	111,600	
Ячной крупы, гороху, овса . .	29,000	* >	150,000	
Дровъ сожжено	25,000	саж. >	200,000	

Содержаніе семейства въ 5 душъ, ограничиваясь продуктами неизбѣжными для существованія, среднимъ числомъ въ день стоить 22 коп. сер., кромѣ дровъ, свѣчей, соли и т. п., а съ этими продуктами стоимость содержанія семейства въ 5 душъ простираеться можетъ отъ 5 до 6 руб. въ мѣсяцъ. Весьма интересно будетъ прослѣдить дѣйствительную стоимость прокормленія еврейскаго семейства, считающагося далеко не бѣднымъ.

Въ семействѣ еврея находится жена, сынъ и двѣ дочери, за наемъ квартиры платится въ годъ 16 руб.

Податей, за мастерство въ цехѣ и проч.	6	р. 15	к.
На столъ въ сутки по 30 коп.	100	*	

На 52 шабаша, надбавки по 30 коп. сер. къ обыкновенному расходу	15 р. » к.
На праздникъ куши пасху и проч. по 40 коп. на день надбавки.	6 » »
Свѣчи, дрова и т. п.	10 » »
Всего.	163 р. 15 к.

Стало быть на одно содержаніе семейства въ 5 душъ еврею необходимо израсходовать въ годъ около 160 руб., а въ день на человѣка около 9 коп. сер., несчитая платья. За работу сюртука нашъ еврей береть 75 к. сер., и въ недѣлю среднимъ числомъ заработка отъ 1 р. 50 коп. до 3 руб., а въ годъ по исключенію нерабочихъ дней, праздниковъ, болѣзненнаго состоянія, еврей заработка не болѣе 100 и много 120 руб. сер. Дефицитъ пополняется женою, которая для продажи мелочныхъ продуктовъ, стоитъ по цѣлымъ днямъ на рынкѣ, оставляя на попеченіе трудящагося мужа троихъ маленькихъ дѣтей; при всемъ своемъ усердіи и при помощи свойственныхъ ухищреній, она выручаетъ въ недѣлю не болѣе 60 коп., рѣдко болѣе рубля чистаго дохода, т. е. заработка ея составляетъ неболѣе четвертой доли дохода мужа при хорошемъ сбыте. Стало быть мужъ съ женою зарабатываютъ неболѣе того, сколько потребляютъ на содержаніе своего семейства.

Въ хорошиѣ годы еврею пожалуй останется десятка два три руб. на платье, бѣлье, обувь и проч. Но возмите еще въ соображеніе положеніе еврея, трудящагося цѣлый день въ маленькой избѣ, наполненной духотою, не только отъ внутренней нечистоты, но и отъ окружающей жилище атмосферы, которая впрочемъ въ Брестѣ не достигла еще той степени и непривлекательности зловонія для самаго тупаго обонянія, какую можно встрѣтить въ Гроднѣ, Слонимѣ, Бѣльскѣ и вообще во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ губерніи, и сообразите: что остается еврею дѣлать въ случаѣ не урожаевъ? несчастнаго стеченія обстоятельствъ? въ случаѣ болѣзни? Чѣмъ, кому и какъ кормить дѣтей, когда жена должна ухаживать за больнымъ мужемъ? Мы заранѣе жалѣемъ о малюткахъ; лучше бы имъ не родиться на свѣтѣ; ихъ тощее тѣло предвѣщаетъ преждевременную кончину, отъ нихъ уже пахнетъ могилой. По цѣлымъ мѣсяцамъ семейство питается водою, ржанымъ хлѣбомъ и лукомъ. Одинъ изъ польскихъ писателей, кажется Нѣмцевичъ, полагаетъ, что тысяча евреевъ въ случаѣ крайности прокормится шестью рублями; и это не приувеличено!.... Дѣло въ томъ, что еврей въ Ѣдѣ чрезвычайно нерасчетливъ, въ шабаши онъ непремѣнно долженъ есть мясо, рыбу, пшеничный хлѣбъ и жечь гибель свѣчей. Мы видѣли,

что болѣе половины расходовъ портного идетъ на столь. Вмѣсто простояго ржанаго хлѣба, онъ єсть полубѣлый и даже пшеничный, между тѣмъ съ перемѣнной послѣдняго на ржаной, онъ дѣлаетъ экономіи на 37%, или около 60 руб. сер. Но довольно, не намъ учить мудрости евреевъ. Они докажутъ, что еврею въ шабашъ должно хорошо поѣсть и выпить, чтобы въ буднишній день поморить все семейство съ голоду. Въ случаѣ крайности, еврей сжимается въ расходахъ почти въ 15 разъ противу нормальной оцѣнки; за то въ праздники способенъ израсходовать во столько же разъ болѣе, объѣстся и слечь въ постель, оставивъ жену и семейство на произволъ судьбы. Эта растяжимость, применяемая евреями къ различному положенію, на практикѣ сопровождается не столько болѣзнями физическими, сколько нравственными недугами: еврей того и не замѣчаетъ, какъ за его благочестивымъ шабашомъ, допускающимъ неумѣренность, слѣдуетъ пасмурный будень; отсутствіе заработковъ влечетъ его къ плутовству, обманамъ; развивается жадность къ деньгамъ, которая при беспокойствѣ о судьбѣ несчастныхъ дѣтей, если еще уцѣлѣли въ немъ любовь къ существамъ для него драгоцѣннымъ, обращается въ болѣзнь съ самыми отвратительными послѣдствіями!....

91 **Хозяйство города.** По показаніямъ магистрата въ отчетахъ начальника губерніи въ теченіе десяти лѣтъ поступило доходовъ — 104,150 руб. 23 коп., израсходовано — 103,934 руб. 16½ коп.

Съ 1848 по 1852 годъ поступило дохода	51,947	руб. 38½	коп.
израсходовано	48,484	" 81	"
Съ 1853 по 1857 годъ поступило дохода	52,202	" 84½	"
израсходовано	55,449	" 35½	"

Въ послѣдній периодъ доходъ увеличился на 5%, а расходъ на 15%. Дефицитъ пополняется городскими капиталами, хранящимися въ приказѣ. Главнѣйшею статьею дохода служитъ сборъ съ разныхъ предметовъ потребленія, составляющій болѣе 50%, съ недвижимаго имущества поступаетъ въ городскую казну около 7%, аренды съ городскаго фольварка Козловичъ — 9%, процентный сборъ съ объявленныхъ купцами капиталовъ 4%, остальное количество дохода около 30% выручается по разнымъ случайнымъ источникамъ.

На содержаніе полиціи, магистрата, сиротскаго суда, квартирной комиссіи, ордонансъ-гауза и военно-судной комиссіи обращается почти половина расходовъ (48% или 49%), архитектору плотится 300 руб., остальные деньги идутъ на содержаніе пожарной части (болѣе 6%)

и весьма немнога остается на устройство и улучшениe города и другie предметы по смѣтѣ (приложение 6 *).

Въ 1857 году съ города Бреста поступило:

1) Казеннаго сбора	4,441	руб.	50	коп.
2) Чарочнаго	58,000	"	"	"
3) Неокладнаго	4,262	"	73	"
Всего				66,704 руб. 23 коп.

Податей съ недоимками взыскано 14,845 руб. $47\frac{1}{4}$ коп.

Затѣмъ въ недоимкѣ остается 7,969 р. т. е. болѣе половины взысканной суммы (53%).

Сверхъ того городская казна на разныхъ лицахъ считаетъ долгъ 18,187 руб. $22\frac{1}{2}$ коп. А весь долгъ частныхъ лицъ казнѣ и городу къ 1-му января 1851 года составлялъ 26,056 руб. $22\frac{1}{2}$ коп. Вообще по городу Бресту въ теченіе года, не считая квартирной и подводной повинности, натурою поступило:

Разныхъ сборовъ	66,704	руб.	23	коп.
Податей съ недоимками	7,969	"	"	"
На содержаніе разныхъ присутственныхъ полицейскихъ мѣстъ, городского архи- тектора и пожарной команды	8,514	"	$87\frac{3}{4}$	"

По 10-й ревизіи числится купцовъ и мѣщанъ мужескаго пола—христіанъ 711, евреевъ 1,408, всего 2,119 душъ. Исключивъ 45% неспособныхъ къ труду по малолѣтству или по старости, получимъ 1,164 мужчинъ, на которыхъ главнымъ образомъ падаютъ всѣ городскія и государственные повинности. На каждого такого мужчину въ 1857 году пришлось заплатить государственныхъ податей 12 руб. 75 коп., городскихъ 7 руб. 30 коп., а всего около двадцати рублей. Затѣмъ на каждомъ состоятельномъ плательщикѣ числится недоимокъ среднимъ числомъ около 23 руб. 30 коп. сер. Кажется, что безъ особой помощи, весьма трудно ожидать исправнаго исполненія денежныхъ повинностей; рациональное преобразованіе сельскаго хозяйства необходимо.

Улицы освѣщены спиртомъ. Фонарей въ крѣпости 65, на форштахъ 52.

*.) Въ 1860 году въ статьяхъ дохода показано городскаго капитала 8,807 руб. $34\frac{1}{4}$ коп., возвращеннаго изъ приказа на уплату доходовъ.